

**ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

№ 3

2019

Главный редактор

Галустов Амбарцум Робертович, доктор педагогических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Заместитель главного редактора

Ветров Юрий Павлович, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Редакционная коллегия

Бакланов Игорь Спартакoвич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Билалов Мустафа Исaевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»

Везиров Тимур Гаджиевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет»

Великая Наталья Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Виноградов Борис Витальевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Галустов Роберт Амбарцумович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Говердовская Елена Валентиновна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и биозтики Пятигорского медико-фармацевтического института-филиала ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет Минздрава России»

Горобец Людмила Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры отечественной филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Дударев Сергей Леонидович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Дьякова Елена Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Елисеев Владимир Константинович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии, педагогики и специального образования Института психологии и образования ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

Зеленко Наталья Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой технологии и дизайна ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Игропуло Ирина Федоровна, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Казаров Саркис Суменович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии и истории древнего мира ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Клычников Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Коваленко Виктор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и методики профессионального образования ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

**«ВЕСТНИК
АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА»**

**НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ**

2019 г.

№ 3

*Выходит
4 раза в год
г. Армавир
Краснодарский край*

Web site:

<http://vestnik.agpu.net/>
E-mail: vagpu@mail.ru

Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС 77-72831
от 17 мая 2018 года

УДК-378
ББК-74.58
В 38

ISSN 2618-8775

© Авторы статей

Кокаева Ирина Юрьевна, доктор педагогических наук, кандидат биологических наук, доцент, профессор кафедры начального и дошкольного образования ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова»

Котлярова Виктория Валентиновна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Краснова Ирина Александровна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Лукаш Сергей Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Матвеев Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX-XXI веков ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Мозгот Валерий Георгиевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории музыки и методики музыкального воспитания ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

Панарин Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Панарина Елена Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пелих Алексей Леонидович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Положенкова Елена Юрьевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Понарина Наталья Николаевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Похилько Александр Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Приймак Юрий Владимирович, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пчелина Ольга Викторовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальных наук и технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет»

Руденко Андрей Михайлович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Скрипник Константин Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории философии Института философии и социально-политических наук ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Спирина Валентина Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной, специальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Тер-Аракелянц Владимир Араkelович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой православной культуры и теологии ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

Тринитатская Ольга Гавриловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой управления образованием ГБУ ДПО РО «Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования»

Тупичкина Елена Александровна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и технологий дошкольного и начального образования ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Федоровский Александр Петрович, доктор философских наук, профессор, проректор по науке и связям с общественностью АНО «Северо-Кавказский социальный институт»

Чермит Казбек Довлетмизович, доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой общей педагогики ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

Шнайдер Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Международные члены редакционной коллегии

Согоян Спартак Серезжаевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и информационных технологий Ширакского государственного университета имени М. Налбандяна, Армения

Ответственные редакторы

Гладченко Виктория Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Лоба Всеволод Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Технический редактор

Зданевич Лилия Владиславовна, редактор редакционно-издательского отдела ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Зеленко Н.В., Науменко А.А.

Профессиональная самоидентификация как категория педагогики 5

Зембатова Л.Т., Хаблиева С.Р.

Роль и место информационных технологий при реализации инклюзивного образования 14

Третьяченко Д.С., Маркелов В.И., Мороз Д.А.

Компетентностное образование: от теории к профессиональной деятельности 22

Третьяченко Д.С., Маркелов В.И., Сергеева К.С.

Педагогические основы реализации компетентностного подхода к подготовке студентов в вузе 30

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Глечян Э.Р., Похилько А.Д.

Социокультурные факторы коррупции в философско-антропологическом измерении 40

Похилько А.Д.

Измерения социокультурной автономности сознания 54

Шестаков Ю.А., Руденко А.М.

Ценностные основания исторического сознания как фактора культуры национальной безопасности России 63

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Грицких И.В., Розыев С.В.

Ацангуары в археологических исследованиях Западного Кавказа 73

Матвеев В.А.

О значении понятий в обеспечении достоверности исторических реконструкций 80

Хлудова Л.Н., Галоян В.А.

Гражданская инициатива в дореволюционном Армавире и процессы становления гражданского общества 98

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 108

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО для авторов журнала «Вестник Армавирского государственного педагогического университета» 113

CONTENTS

PEDAGOGICAL SCIENCES

Zelenko N.V., Naumenko A.A. Professional Self-identification as a Pedagogical Category	5
Zembatova L.T., Khablieva S.R. The Role and Place of Information Technologies in the Implementation of Inclusive Education	14
Tretyachenko D.S., Markelov V.I., Moroz D.A. Competency-based Education: From Theory to Professional Activity	22
Tretyachenko D.S., Markelov V.I., Sergeeva K.S. Pedagogical Bases of Implementing the Competence Approach in Training University Students	30

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Glechyan E.R., Pokhilko A.D. Sociocultural Factors of Corruption in the Philosophical-Anthropological Dimension	40
Pokhilko A.D. The Dimensions of the Sociocultural Autonomy of Consciousness	54
Shestakov Yu.A., Rudenko A.M. The Value Bases of Historical Consciousness as a Factor of the Culture of the National Security of Russia	63

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Gritskikh I.V., Roziyev S.V. Atsanguars (Low Stone Fences) in the Archaeological Researches of the Western Caucasus	73
Matveev V.A. On the Role of Concepts in Ensuring Reliable Historical Reconstructions	80
Khludova L.N., Galoyan V.A. Civil Initiative in Pre-revolutionary Armavir and the Processes of the Formation of Civil Society	98

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	108

NEWSLETTER to the authors of "THE BULLETIN OF ARMAVIR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY"	113

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК-371.13:331.86

Зеленко Наталия Васильевна

доктор педагогических наук,
профессор, заведующий кафедрой
технологии и дизайна ФГБОУ ВО
«Армавирский государственный
педагогический университет»
(г. Армавир)

Zelenko Natalia Vasilievna

Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor, Head of the Department
of Technology and Design, Armavir
State Pedagogical University
(Armavir)

Науменко Артем Александрович

аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет» (г. Армавир)

Naumenko Artem Aleksandrovich

post-graduate student, Armavir
State Pedagogical University
(Armavir)

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ КАК КАТЕГОРИЯ ПЕДАГОГИКИ

PROFESSIONAL SELF-IDENTIFICATION AS A PEDAGOGICAL CATEGORY

Аннотация:

В статье рассматривается профессиональная самоидентификация как педагогическая категория. Характеризуется сущность понятий идентичность, идентификация, выделена профессиональная принадлежность как социальная группа. Охарактеризованы профессиональная идентичность и профессиональная самоидентификация, показана специфика самоидентификации в различных профессиональных группах. Обоснована необходимость управления профессиональной самоидентификацией в период освоения профессии и профессионального становления.

Abstract:

The article considers professional self-identification as a pedagogical category. The essence of the concepts of identity, identification is characterized, professional affiliation as a social group is singled out. Professional identity, and professional self-identification are characterized, the specifics of self-identification in different professional groups are shown. The need to manage self-identification during professional training and growth is justified.

Ключевые слова:

идентичность, идентификация, самосознание, самоидентификация, социальные группы, профессиональная идентичность, профессиональная самоидентификация.

Keywords:

identity, identification, self-awareness, self-identification, social groups, professional identity, professional self-identification.

Проблема самосознания и самоопределения человека с древнейших времен (Сократ, Протагор, св. Августин и др.) относилась к числу важнейших философских проблем.

В работах Г. Гегеля самосознание рассматривается как часть общей проблемы деятельности, его тезис о неизбежном появлении в процессе социальных связей личности такого «Я», которое есть «Мы» и такого «Мы», которое есть «Я», иными словами, тезис о неизбежности самоидентификации личности с общностью в научном сообществе является общепризнанным.

Рассматривая понятие «профессиональная самоидентификация» мы сочли целесообразным уточнить, что слово «идентификация» происходит от латинского *identifico*, что означает «отождествлять» и предполагает установление тождественности неизвестного объекта известному на основании совпадения признаков [10].

Наибольшую разработанность категория «идентификация» получила в социологии, где под идентификацией понимается соотнесение себя индивидом с теми группами и общностями, которые он воспринимает как «свои», по отношению к которым он в наибольшей степени способен почувствовать и сказать «мы» (гендер, семья, религия, этнос, профессия и т. п.) [9].

В научных исследованиях понятию «идентичность» обычно предшествует понятие идентификации человека, основой которой является самоидентификация, объясняющая способность субъекта к рефлексии, осуществляемой по отношению к объективным общественным процессам. Где самоидентификация – процесс соотнесения себя с собой, в результате которого формируются представления о себе как о самотождественной, цельной и уникальной личности [4]. При этом под термином идентичность понимают относительно конечный результат самоотождествления, а под термином идентификация принято считать процесс психологических механизмов и социальных процессов, ведущих к идентичности [7; 8].

Одним из первых к исследованию идентификации обращается Э. Эриксон (1902–1994), определявший идентичность как способность ощущать себя обладающим непрерывностью и тождественностью и поступать соответственно [13, с. 74].

Среди крупных исследователей, внесших значительный вклад в постановку собственно проблемы самоидентификации, следует особо отметить З. Фрейда, Э. Фромма [11; 12]. Фрейд, применив термин «идентификация» для обозначения уподобления на самой ранней стадии социализации, тут же пояснил, что социальная идентификация им не исследуется и термин он употребляет как акт «аффективного воздействия», и не больше.

Фромм наряду с социальным характером различал и персональную идентичность, которая формируется в процессе индивидуализации человека.

А. Маслоу, К. Роджерс рассматривали целостное человеческое «Я» как фундаментальный фактор поведения и развития личности. «Я»-концепция, в сущности, определяет не просто то, что собой представляет индивид, но и то, что он о себе думает, как смотрит на своё деятельное начало и возможности развития в будущем

Первыми проблему самоидентичности в социально-философской и социологической литературе обозначили американские социологи Дж. Миду и Ч. Кули, труды которых явились основой для развития нового научного направления – символического интеракционизма, а самоидентичность рассматривается как результат социальной интеракции и, одновременно, как фактор, обуславливающий социальную интеракцию.

К подобному пониманию самоидентичности близки многие современные авторитетные западные исследователи, в частности, Э. Гидденс, изучавший процесс возникновения новых психосоциальных механизмов личностной самоидентичности, формирующихся под влиянием трансформирующихся институтов современности и, в свою очередь, трансформирующих последние.

Е.Н. Калашникова в своих исследованиях отмечает, что самосознание, опирающееся на динамический процесс самоидентификации, – творческая деятельность, где имплицитно взаимодействуют два типа образа «Я»: нормативный, определяемой группой, и идеальный, конструируемый самим

субъектом. Нормативное «Я» и воображаемое «Я» в едином актуальном «Я» находится в постоянном переплетении. Однако случается, что выражаемое «Я» смотрит на нормативное «Я» с недоумением, желая отмежеваться от него. Самоотношение к этим двум сторонам актуальных «Я» указывает на динамизм как нормативного «Я», так и воображаемого, а также на динамизм самого взаимодействия. Именно потенциальное «Я» способствует саморазвитию индивида и наполняется новыми смыслами и значениями [3].

Самоидентификация тесно связана с моралью. Одной из наиболее значимых мотиваций выполнения моральных норм или соблюдения взятых на себя обязательств является именно сохранение своего идентификационного статуса.

Проблема самоидентификации как процесса отождествления индивидом себя с другим человеком, группой, образцом, вызывает большой интерес у современных ученых. Важно отметить, что практически все современные психолого-педагогические научные школы считают потребность в самоидентификации одной из базовых органических потребностей личности.

Важным свойством культуры личности ученые отмечают развитие способности самокритичности, благодаря которому расхождения между «Я» реальным (актуальным) и потенциальным осознаются и преодолеваются.

Процесс самоидентификации исследователи подразделяют на приобретение норм, ценностей, социальных ролей, моральных качеств представителей тех социальных групп, к которым принадлежит или стремиться принадлежать индивид. Познание каждого аспекта идентичности осуществляется через созданную исследователем «категориальную сетку», а также с помощью соответствующего задачам исследования метода.

Самоидентификация, по мнению многих исследователей, становится возможной при условии, что человек осознает не только внешнее отличие от других, но и отличие в культурно-информационном отношении. Это происходит в ходе усвоения ценностей и норм определенной социокультурной общности, что, в свою очередь, возможно лишь на основе их противопоставления иной нормативно-ценностной системе [5].

Одним из видов социальной идентификации является профессиональная идентификация, которая является механизмом интернализации

профессиональных и социально-психологических компетенций в результате социального взаимодействия индивида и профессиональной группы и осмысления индивидом данных взаимодействий.

Изучение феномена самоидентификации в профессиональных группах показывает, что она обладает определенной спецификой и является комплексным феноменом, формирующимся под влиянием большого числа объективных и субъективных факторов различной природы [6].

Основными объектами внимания западных социологов в данной области являются проблемы институционального признания и статуса профессий, выбора профессий, профессиональной социализации и идентификации, профессиональной карьеры, вертикальной и горизонтальной мобильности, стиля жизни, досуга, дифференциации профессий в зависимости от возраста, пола, расовой и национальной принадлежности и других характеристик работников и т. д. [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20].

Самоидентификация в различных профессиональных группах различна и складывается из образа профессии и профессионального образа Я. Без осознания специалистом принадлежности к профессии невозможна не только профессиональная адаптация, но и эффективная профессиональная подготовка.

В условиях профессионального образования потенциальное «Я», основанное на самопознании, становится необходимым, «встроенным» в культуру саморазвития элементом. Условием культивирования «Я-образа» становится не только приобщение к профессиональным ценностям, но и способность «отрыва» от коллективного «мы» и стремление к уникальному «Я» (экзистенциальная культура личности).

В процессе профессиональной самоидентификации формируется новый уровень саморефлексивности, отношения к себе как к ценности независимо от места, занимаемого в иерархической социальной структуре. Такой человек, с устойчивым представлением о себе, обладающий высокой степенью самодостаточности, занимает соответствующее своей сформированной социализированности достойное место в социуме.

Профессиональная самоидентификация возрастает по мере накопления практического опыта, заинтересованности трудом и статусных характеристик

профессии. Обычно говорят об особенностях профессиональной группы людей, например, о менталитете медиков или математиков, подразумевая определенный образ, наличие определенных личностных качеств [1].

Профессиональная самоидентификация является одним из важнейших факторов интеграции молодого специалиста в профессию. Самоидентификация в каждой профессии имеет персонализированный характер, означает отождествление себя с определённой социальной группой, но при этом индивидуум выбирает именно то, что отвечает его ценностным ориентирам.

Для формирования профессиональной самоидентификации важно, чтобы обучающиеся имели представление, как о профессиональной компетентности, так и о профессиональной идентичности.

Особую роль в формировании профессиональной самоидентичности будущего профессионала играет соотнесение своих психофизиологических, функциональных характеристик с требованиями выбранной профессиональной деятельности; умением выполнять профессиональные задачи.

Основными моментами процесса профессиональной самоидентификации являются: приобретение и развитие устойчивого интереса к профессии, накопление теоретических знаний, практических навыков, умений и опыта работы по конкретной специальности, налаживание деловых и личных контактов.

В.А. Гунчина [2] процесс профессиональной самоидентификации предлагает рассматривать в виде четырёх условных этапов:

- познание профессии, определение её образа (модель идеального профессионала);
- определение своего отношения к этой профессии, которое может быть как позитивным (положительная самоидентификация), так и негативным (отрицательная самоидентификация);
- формирование мотивации на обучение данной профессии;
- изучение данной профессии.

Профессиональная самоидентификация перестраивает внутренний мир личности, ее систему ценностей и норм и является важнейшей составляющей жизни человека. Конкурентоспособность специалиста на рынке во многом зависит от реализации его способностей в русле его профессии,

образования, опыта трудовой деятельности, адаптивных способностей личности. Без осознания специалистом принадлежности к профессии невозможно не только профессиональная адаптация, но и эффективная профессиональная подготовка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боронова Г. Х. Психология труда. Конспект лекций / Г. Х. Боронова, Н. В. Прусова. – М., 2008. – 160 с.
2. Гунчина В. А. Феномен профессиональной самоидентификации / В. А. Гунчина // Молодой ученый. – 2017. – № 15.2. – С. 59–64.
3. Калашникова Е. М. Методологическая значимость понятия «самоидентификация» в социальных исследованиях / Е. М. Калашникова // Вестник Вятского государственного университета. – 2014. – № 1. – С. 6–9.
4. Короленко Ц. П. Социодинамическая психиатрия / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева. – М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. – 460 с.
5. Лысак И. В. Особенности самоидентификации человека в условиях современного общества / И. В. Лысак // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. – № 6. – С. 37–42.
6. Мамонова О. Н. Профессиональная самоидентификация как фактор социального управления : автореф. дис. ... канд. социол. наук / О. Н. Мамонова. – М., 2002. – 22 с.
7. Мудрик А. В. Социальная педагогика / А. В. Мудрик. – М. : Академия, 2003. – 200 с.
8. Петровский А. В. Возрастная психология / А. В. Петровский. – М. : Просвещение, 1973. – 268 с.
9. Социологическая энциклопедия / Сост. С. Ю. Головин. – Мн.–М., 2001.
10. Тожество (философия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/?oldid=98823515>.
11. Фромм Э. Ситуация человека – ключ к гуманистическому психоанализу / Э. Фромм // Проблема человека в западной философии. – М., 1988.
12. Введение в психоанализ / Э. Фрейд [и др.]. – М. : Наука, 1989.
13. Эриксон Э. Детство и общество / Э. Эриксон. – СПб. : Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. – 592 с.
14. Nam, Ch. B. Powers, M. G. Changes in the Relative Status of Workers in the United States, 1950-60// Social Forces, 1968.

15. Morris, R. T. and Murphy, R. J. The Situs Dimension in Occupational Structure // American Sociological Review. 1959, Vol. 24.

16. Larson, M. The Rise of Professionalism: A Sociological Analysis, Berkeley: University of California Press, 1977.

17. Parkin F. (Ed.) The Social Analysis of the Class Structure. London: Tavistock Publications, 1974.

18. Brante, Th. Sociological Approaches to the Professions // Acta sociol. 1988. Vol. 31, № 2.

19. Evetts, J. Professional identity, diversity and segmentation: the case of engineering; paper represented in Professions, Identity and Order in Comparative Perspective, Onati Papers, 1998.

20. Erikson E. H. Identity, psychosocial // International Encyclopedia of the Social Sciences. New York: The Macmillan Company & The Free press, 1968.

REFERENCES

1. Boronova G.H., Prusova N.V. *Psihologiya truda. Konspekt lekcij* [The Psychology of Labor. Lecture Notes]. Moscow, 1989. 160 p.

2. Gunchina V.A. The phenomenon of professional self-identification. *Molodoy uchenyj = Young scientist*, 2017, no. 15.2, pp. 59-64. (In Russian).

3. Kalashnikova E. M. The methodological significance of the concept "self-identification" in social research. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Vyatka State University*, 2014, no. 1, pp. 6-9. (In Russian).

4. Korolenko Ts.P., Dmitrieva N.V. *Sociodinamicheskaya psihiatriya* [Sociodynamic Psychiatry]. Moscow, Academic Project: Yekaterinburg, Business Book, 2000. 460 p.

5. Lysak I.V. The features of human self-identification in modern society. *Gumanitarnye i socialno-ekonomicheskie nauki = Humanitarian and socio-economic sciences*, 2008, no. 6, pp. 37-42. (In Russian).

6. Mamonova O.N. *Professionalnaya samoidentifikaciya kak faktor socialnogo upravleniya* [Professional Self-identification as a Factor of Social Management]. Diss. abstract, Moscow, 2002. 22 p.

7. Mudrik A. V. *Socialnaya pedagogika* [Social Pedagogy]. Moscow, "Academy" Publ. Center, 2003. 200 p.

8. Petrovskiy A. V. *Vozrastnaya psixologiya* [Age Psychology]. Moscow, Education Publ., 1973. 268 p.

9. *Sociologicheskaya enciklopediya* [Sociological Encyclopedia]. Minsk, Moscow, 2001. (In Russian).

10. *Tozhdestvo (filosofiya)* [Identity (Philosophy)]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/?oldid=98823515>. (In Russian).
11. Fromm, E. The human situation – a key to humanistic psychoanalysis. *The Problem of Man in Western Philosophy*. Moscow, 1988.
12. Frejd, Z. *Vvedenie v psixoanaliz* [Introduction to Psychoanalysis]. Moscow, Nauka Publ., 1989.
13. Erikson, E. *Detstvo i obshhestvo* [Childhood and Society]. St. Petersburg: Lenato, AST, “University Book” Foundation Publ., 1996. 592 p.
14. Nam, Ch. B. Powers, M. G. Changes in the Relative Status of Workers in the United States, 1950-60. *Social Forces*, 1968.
15. Morris, R. T. Murphy, R. J. The Situs Dimension in Occupational Structure. *American Sociological Review*, 1959, Vol. 24.
16. Larson, M. *The Rise of Professionalism: A Sociological Analysis*, Berkley, University of California Press, 1977.
17. Parkin F. (Ed.) *The Social Analysis of the Class Structure*. London, Tavistock Publications, 1974.
18. Brante, Th. Sociological Approaches to the Professions. *Acta sociol.* 1988, Vol. 31, no. 2.
19. Evetts, J., Professional identity, diversity and segmentation: the case of engineering; paper represented in *Professions, Identity and Order in Comparative Perspective*, Onati Papers, 1998.
20. Erikson E. H. Identity, psychosocial. *International Encyclopedia of Social Sciences*. New York, The Macmillan Company & The Free press, 1968.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Зеленко Н. В. Профессиональная самоидентификация как категория педагогики / Н. В. Зеленко, А. А. Науменко // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3. – С. 5–13.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Zelenko N. V., Naumenko A. A. Professional Self-identification as a Pedagogical Category / N. V. Zelenko, A. A. Naumenko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 3, pp. 5–13. (In Russian).

УДК-37.018.46

Зембатова Лариса Тамерлановна

доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры начального и дошкольного образования ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова» (г. Владикавказ)

Хаблиева Светлана Руслановна

кандидат педагогических наук, старший преподаватель Северо-Осетинского республиканского института повышения квалификации работников образования (г. Владикавказ)

**РОЛЬ И МЕСТО
ИНФОРМАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ
РЕАЛИЗАЦИИ ИНКЛЮЗИВНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Аннотация:

В статье рассматриваются вопросы, связанные с использованием информационно-коммуникационных технологий при реализации инклюзивного образования. Определяется роль и место информационных технологий в образовании детей с ограниченными возможностями здоровья. Выделены наиболее важные направления использования информационных технологий в образовании детей с особыми потребностями.

Ключевые слова:

инклюзивное образование, информационно-коммуникационные технологии, дистанционные технологии, электронные образовательные ресурсы, интернет-сервисы, медиаресурсы.

Zembatova Larisa Tamerlanovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Primary and Preschool Education, North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov (Vladikavkaz)

Khablieva Svetlana Ruslanovna

Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, North-Ossetian Republican Institute for Advanced Training of Education Workers (Vladikavkaz)

**THE ROLE AND PLACE OF
INFORMATION TECHNOLOGIES
IN THE IMPLEMENTATION
OF INCLUSIVE EDUCATION**

Abstract:

The article considers the integration of information and communication technologies in the implementation of inclusive education. The role and place of information technologies in the education of children with disabilities are determined. The most important directions in using information technologies in the education of children with special needs are identified.

Keywords:

inclusive education, information and communication technologies, distance learning technologies, electronic educational resources, Internet services, media resources.

На современном этапе модернизации российского образования основной задачей является повышение качества образования и удовлетворение познавательных потребностей всех обучающихся в соответствии с их индивидуальными особенностями, а одной из наиболее актуальных проблем выделяется инклюзивное образование и психолого-педагогическое сопровождение детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Противники введения инклюзивного образования считают, что совместное воспитание и образование детей способствует их успешной социализации, эффективной самореализации в различных видах профессиональной и социальной деятельности.

Таким образом, инклюзивное образование – обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей. Оно развивает методологию, направленную на детей и признающую, что все дети индивидуумы с различными потребностями в обучении, и стремится разработать эффективные формы и методы преподавания и обучения для удовлетворения познавательных потребностей.

Инклюзивное образование реализуется на всех уровнях: дошкольном, общем, среднем профессиональном и высшем образовании и создает безбарьерную среду в обучении и профессиональной подготовке людей с ОВЗ. Для обеспечения эффективности и доступности образовательного процесса необходимо специализированное техническое оснащение образовательных организаций, включающее программы, направленные на облегчение процесса адаптации детей с ОВЗ, а также повышение квалификации руководителей, педагогических работников, специалистов дошкольных образовательных и общеобразовательных организаций и организаций дополнительного профессионального образования с целью формирования и развития компетенций в области организации образования детей с ОВЗ.

В настоящее время реализуются модели инклюзивной практики обучения, при которой дети с ОВЗ включаются в общеобразовательный процесс поэтапно. В образовательных организациях создаются специальные условия для обучения, а также обеспечивается действие долгосрочной целевой программы «Доступная среда», предусматривающей создание полноценной,

безбарьерной среды, обеспечивающей их права на получение образования и социализацию.

Основным критерием безбарьерной среды является доступность зданий и сооружений: оборудование системой внешних и внутренних ориентиров, цветовых обозначений входных дверей для слабовидящих обучающихся, тактильных информационных табличек и указателей каждого класса, кабинета. Используются специальные наглядные средства обучения, методики преподавания отдельных предметов, а также специальные учебники и учебные приспособления для письма, рисования и многое другое. Технические средства доступа к информации представлены специальными тифлотехническими средствами обучения.

Но основные барьеры – информационные и коммуникационные. Для их преодоления необходимо специализированное аппаратно-программное обеспечение, минимизирующее ограничения по здоровью и обеспечивающее детям с ОВЗ доступ к образовательной среде, а также к пространству взаимодействия с другими детьми. Средства и технологии должны быть одновременно универсальными и индивидуальными, так как каждый обучающийся обладает собственными образовательными потребностями и способностями. Реализовать это возможно только используя информационно-коммуникационные технологии (далее ИКТ). Применение информационных технологий в образовании свидетельствует о положительном воздействии на формирование психических функций детей с ОВЗ и на становление его личности в целом [5, с. 7].

Потенциал современных средств ИКТ, интерактивных и дистанционных технологий обучения позволяют обучающимся с ОВЗ принимать активное участие в учебном процессе, а педагогам самостоятельно создавать и использовать авторский, адаптированный под индивидуальные особенности, контент.

ИКТ обладают мощными инструментами для работы с текстовой, числовой и графической информацией, составляющей основу образовательной среды; в сочетании с коммуникационными технологиями и Интернетом они создали феноменальную по своим возможностям всемирную среду обучения [2, с. 19].

Современные средства ИКТ, используемые при реализации инклюзивного образования и обучения детей с ОВЗ, прежде всего, основаны на научно-обоснованных методах коррекции нарушений развития, учитывают общие закономерности и специфические особенности детей ОВЗ. Применение специализированных электронных образовательных ресурсов при работе с ними позволяет активизировать компенсаторные механизмы и достичь оптимальной коррекции нарушенных функций [1, с. 20–22].

Как и все другие члены общества, обучающиеся с ОВЗ должны приобрести знания, умения, навыки и компетенции, необходимые для социализации в обществе, в котором они живут. Однако они сталкиваются с дополнительными трудностями, вызванными функциональными ограничениями и особыми образовательными потребностями, которые по-разному влияют на их способность получать обучение. Очевидно, что все функциональные ограничения не позволяют ученикам овладеть достаточным уровнем знаний. Возможности для таких учеников часто недооцениваются учителями.

Создание в образовательных организациях подходящей технологической инфраструктуры, наличие современных средств ИКТ, необходимых для реализации инклюзивного образования, автоматически не влечет за собой рост профессионального мастерства учителей. Чтобы реализовать наиболее полное внедрение ИКТ в инклюзивное образование, учителя должны быть готовы создавать и применять на практике инновационные методы обучения, а также изменять и адаптировать существующие в соответствии с новыми выявляющимися возможностями интеграции в инклюзивное образование наиболее современные технологии [3, с. 118–121].

Для выбора оптимального программного и аппаратного обеспечения, необходимого для полного удовлетворения индивидуальных возможностей и потребностей обучающихся с ОВЗ, необходимо учитывать особенности их психофизического развития. С дошкольного возраста компьютер сможет выступать для обучаемых с ОВЗ как репетитор, средство активизации и удержания внимания, ассистент и консультант в ходе реализации познавательного процесса, помощник в соблюдении стандартов и восполнении пробелов в знаниях, как наглядно-действенная опора в развитии психических процессов [6, с. 234–236].

С целью эффективного использования современных средств ИКТ, ЭОР при организации обучения детей с ОВЗ в рамках реализации инклюзивного образования, необходимо повышение информированности общества о значимости ИКТ, расширение доступа к инфраструктуре ИКТ, формирование у учителей, родителей и обучающихся базовой ИКТ-компетентности в сфере использования ИКТ и разработка программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки, взаимообмен опытом применения ИКТ. Для каждой категории обучающихся с ОВЗ должны быть подобраны и адаптированы специальные вспомогательные устройства и программное обеспечение.

Проведя анализ психолого-педагогической и методической литературы по вопросам применения информационных технологий при организации обучения детей с ОВЗ, мы выделили наиболее важные направления их использования:

1. Использование ИКТ с целью решения вспомогательных задач. Информационные технологии компенсируют обучающимся с ОВЗ их ограничения, например, помогают писать при двигательных нарушениях, а для людей с нарушениями зрения в возможности чтения различными способами (аудиотексты и т. д.).

2. Использование ИКТ для решения образовательных задач. Применение информационных технологий позволяет улучшить взаимоотношения педагог-обучающийся, так как, с одной стороны, компьютер никогда не «наказывает», не «ругает», а «терпит», что хорошо сказывается на психологическом состоянии, а с другой – определяет новейшие инновационные современные формы обучения, связанные с ИКТ, например, дистанционное обучение, интерактивные технологии и многое другое.

3. Использование ИКТ для решения коммуникативных задач. Современные технологии позволяют обучающимся с ОВЗ преодолеть коммуникативные барьеры. У людей с опорно-двигательными нарушениями трудности в передвижении, и информационные технологии нередко считаются единственным решением такого рода коммуникативной проблемы.

Для реализации этих направлений необходимо обязательное повышение квалификации всех работников системы образования по вопросам организации и реализации инклюзивного образования.

При формировании профессиональных компетенций педагогов в рамках организации инклюзивного образования детей с ОВЗ средствами ИКТ необходимо:

- овладеть навыками использования интернет-сервисов для организации инклюзивного образования;
- познакомиться с основными методами и формами использования средства ИКТ работы учителя в классе с инклюзивной практикой;
- цифровые инструменты и сервисы Интернет для организации инклюзивного образования в деятельности учителя-предметника;
- организовывать взаимодействие различных участников образовательного процесса в инклюзивной практике средствами ИКТ;
- свободно использовать и отбирать интернет-сервисы для организации инклюзивного образования, проектировать учебный процесс для совместного обучения детей с нарушенным и нормальным развитием;
- расширенные профессиональные компетентности педагога на основе ИКТ, для организации инклюзивного образования;
- разработанные ЭОР, которые педагог сможет применять в своей профессиональной деятельности;
- представление о различных медиаресурсах и умение ими воспользоваться при организации инклюзивного образования.

Таким образом, информационно-коммуникационные средства обучения являются инструментом социальной интеграции людей с ОВЗ, поскольку облегчают им свободный доступ к знаниям и информации.

Реализация инклюзивного образования, несомненно, способствует формированию толерантного поведения обучающихся, развитию гуманной личности, способной к сопереживанию.

В такой образовательной системе использование современных средств ИКТ выступает в качестве одного из средств специальных образовательных и реабилитационных технологий, представляющих собой совокупность организационных структур и мероприятий, системных средств и методов, эффективно обеспечивающих реализацию и усвоение образовательных программ. Реабилитационная и образовательная деятельность проводятся с учетом действующих в образовательной среде ограничений

по срокам обучения, состоянию материально-технической базы, квалификации персонала, интеллектуального, образовательного и реабилитационного потенциала обучаемых лиц и их специальных образовательных потребностей [4, с. 691–696].

Конечно, применение ИКТ не решает всех проблем в образовании людей с ограниченными возможностями здоровья. ИКТ лишь обеспечивают кардинальное улучшение доступа к информации и поддержки коммуникаций и могут стать мощным дидактическим и коммуникационным средством, которое в свою очередь закладывает основание существенного прогресса в личном развитии, позволяя людям с особыми образовательными потребностями полноценно участвовать в жизни общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болотина В. В. Использование информационных технологий в работе с детьми, имеющими ограниченные возможности здоровья / В. В. Болотина // Методические рекомендации для педагогов, специалистов образовательных учреждений, родителей. – Новокуйбышевск, 2009. – 112 с. – С. 20–22.

2. Бадарч Д. Информационные и коммуникационные технологии в образовании : монография / под ред. Д. Бадарча. – М. : ИИТО ЮНЕСКО, 2013. – 320 с.

3. Бухтиярова И. Н. Информационные технологии как фактор развития современного инклюзивного общества / И. Н. Бухтиярова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 6-1. – С. 118–121.

4. Курин А. Ю. Социальная адаптация подростков с ограниченными возможностями передвижения средствами информационных технологий как социально-педагогическая проблема / А. Ю. Курин // Социальная педагогика: вызовы XXI века : сборник материалов Международного конгресса специалистов социальной сферы (22–23 сентября 2011 г.) / отв. ред. Е. А. Юрина. – Тамбов, 2011. – С. 691–696.

5. Мир информационных технологий в реабилитации детей с особыми возможностями здоровья : сборник материалов. – Ставрополь : Бюро новостей, 2016. – 104 с. – С. 7.

6. Щенникова С. В. Роль информационных технологий в социализации детей с особыми образовательными потребностями в условиях ГБУ «РЦДПОВ» г. Арзамаса / С. В. Щенникова, Н. Ю. Киселева, Л. С. Тугарова // Молодой ученый. – 2014. – № 21.1. – С. 234–236.

REFERENCES

1. Bolonina V.V. *Ispol'zovanie informacionnyh tehnologij v rabote s det'mi, im-ejushhimi ogranichennye vozmozhnosti zdorov'ja* [The Use of Information Technology in Working with Children with Disabilities]. Novokuibyshevsk, 2009. Pp. 20-22.

2. Dendev B. *Informacionnye i kommunikacionnye tehnologii v obrazovanii: monografiya* [Information and Communication Technology in Education: monograph]. Moscow, UNESCO IITE, 2013. 320 p.

3. Bukhtiyarova I.N. Information technologies as a factor in the development of a modern inclusive society. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki = Humanitarian, socio-economic and social sciences*, 2015, no. 6, pp. 118-121. (In Russian).

4. Kurin A.Yu. Social adaptation of adolescents with disabilities by means of information technologies as a socio-pedagogical problem. *Social'naja pedagogika: vyzovy XXI veka: sbornik materialov Mezhdunarodnogo kongressa specialistov social'noj sfery = Social Pedagogy: Challenges of the 21st Century: a collection of materials from the International Congress of Social Professionals*, Tambov, 2011, pp. 691-696. (In Russian).

5. *Mir informacionnyh tehnologij v rehabilitacii detej s osobymi vozmozhnostjami zdorov'ja. Sbornik materialov* [The World of Information Technology in the Rehabilitation of Children with Special Health Opportunities. Collection of Materials]. Stavropol, Bureau of News, 2016. 104 p.

6. Schennikova S.V., Kiseleva N.Yu., Tugarova L.S. The role of information technologies in the socialization of children with special educational needs in Arzamas RCCAD. *Molodoj uchenyj = Young scientist*, 2014, no. 21.1, pp. 234-236.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Зембатова Л. Т. Роль и место информационных технологий при реализации инклюзивного образования / Л. Т. Зембатова, С. Р. Хаблиева // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3. – С. 14–21.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Zembatova L. T., Khablieva S. R. The Role and Place of Information Technologies in the Implementation of Inclusive Education / L. T. Zembatova, S. R. Khablieva // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 3, pp. 14–21. (In Russian).

УДК-378.147

Третьяченко Дмитрий Сергеевич
аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет» (г. Армавир)

Маркелов Владимир Иванович
аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет» (г. Армавир)

Мороз Динара Алиевна
магистрант ФГБОУ ВО
«Армавирский государственный
педагогический университет»
(г. Армавир)

**КОМПЕТЕНТНОСТНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ: ОТ ТЕОРИИ
К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Аннотация:

Современная образовательная парадигма демонстрирует переход от результатов обучения к практико-ориентированным компетенциям. В настоящей статье рассматриваются роль различных подходов к компетентностному образованию в мире. Ключевая идея обучения на основе компетенций может быть описана как обеспечение обучающегося знаниями и навыками его применения.

Ключевые слова:

компетентностное образование, высшее образование, on-line обучение, Болонский процесс

Tretyachenko Dmitry Sergeyeovich
post-graduate student, Armavir
State Pedagogical University
(ArmaVir)

Markelov Vladimir Ivanovich
post-graduate student, Armavir
State Pedagogical University
(ArmaVir)

Moroz Dinara Alievna
Master's student, Armavir State
Pedagogical University (ArmaVir)

**COMPETENCY-BASED
EDUCATION: FROM THEORY
TO PROFESSIONAL ACTIVITY**

Abstract:

The modern educational paradigm demonstrates the transition from learning outcomes to practice-oriented competencies. The article considers the role of different approaches to competency-based education in the world. The key idea of competency-based learning can be described as providing the learner with knowledge and skills to apply competencies.

Keywords:

competency-based education, higher education, on-line training, Bologna Process

Компетентностное образование – это тенденция, возникшая в 60-х годах XX века. В настоящее время существует множество определений компетентностного образования. Фонд передового опыта в образовании объясняет

это как «систему обучения, в которой учащиеся переходят на более высокий уровень обучения, когда демонстрируют мастерство в понимании концепций и навыков – независимо от времени, места или темпа» [1, с. 7]. Популярность компетентностного образования подтверждает тот факт, что многие университеты во всем мире объединены в консорциумы для решения общих задач при разработке компетенций и масштабирования учебных программ. Одним из примеров такой сети является Национальный консорциум по проектированию, разработке и масштабированию новых моделей обучения для студентов, в него входят 17 учреждений и две государственные системы, обслуживающие 42 кампуса [2].

В системе компетентностного обучения, отдельный ученик прогрессирует по мере того, как ожидание от обучения удовлетворяются, а не продвигается по заранее установленному учебному плану или расписанию, продиктованного фиксированными, возрастными уровнями обучения или требованиями времени места (иногда выражается в единицах Карнеги или кредитных часах). Обучающийся может ускоряться благодаря знаниям, умениям и навыкам, которые он усвоил, когда он готов двигаться дальше, и получать больше поддержки и времени в областях, которые он еще не освоил [3].

Фактически произошел сдвиг в реализации компетентностного обучения в хронологической перспективе. Несколько десятилетий назад это могло быть похоже на перечень дел, так как основная идея образования была сосредоточена на предоставлении студентам узких дисциплинарных знаний. Студент должен был знать просто точную область знаний, то есть ключевая концепция образования состояла в том, чтобы выучить наизусть необходимую информацию, а в нынешнее время необходимо знать, как получить информацию, как ее обработать и реализовать.

Сегодня существуют различные вариации понятия «компетентностного образования», но все они направлены на то, чтобы дать обучающемуся навыки для самостоятельного решения ряда задач, в том числе задач личного и профессионального характера.

В настоящем исследовании рассматривается значение и роль противоположных типов компетентностного образования, в различных частях мира. Современные тенденции в образовании демонстрируют сдвиг в философии

образования, заключающийся в том, что ключевой целью является научить получать информацию, обрабатывать и применять ее.

Компетентностное образование в высших учебных заведениях и его оценка стали преобладающей темой. В США это означает гибкое, персонализированное, самостоятельное обучение, основанное на навыках, одним из преимуществ которого является отсутствие временных рамок при освоении учебной программы. В то время как противоположный подход к реализации компетентностного образования, распространенный в Европе и России, связан с так называемой Болонской системой высшего образования, с точки зрения которой, каждая образовательная программа должна основываться на учебно-ориентированной учебной программе, которая включает в себя подробное описание компетенций, которые студенты получают после прохождения учебной программы. Оказывается, ключевое отличие этих подходов заключается в совершенно разных вопросах. При реализации первого подхода в США внимание уделяется форме обучения, а во втором в Европе и России его содержанию. Первый подход предполагает внедрение методологии электронного обучения как основного инструмента обучения. Вот почему, если мы сравним конкурентные преимущества подхода на основе компетенций и дистанционного обучения, мы обнаружим, что они похожи друг на друга.

На тематической разговорной панели, темой которой являлась «Образование на основе компетенций: это список дел или способ достижения значимых результатов?», в рамках 8-й Международной мультikonференции на тему: «Сложность, информатика и кибернетика», проходившей в марте 2017 года в Орландо, Флорида США, участниками дискуссии доктором Риса Блэр и доктором Тина М. Серафини (Университет Каплана, США) было установлено, что существует различие в понимании, «что означает компетентностное образование» в различных частях мира. Кроме того, ими же, определены характеристики компетентностного образования по сравнению с традиционным образованием следующим образом:

- проводите свои курсы самостоятельно;
- выполняйте задания по расписанию без сроков;
- взаимодействуйте с моделями онлайн-обучения;
- достигайте прогресса посредством оценок, предоставляя то, что вы знаете.

На самом деле все эти характеристики свойственны традиционному on-line обучению. При этом второй подход подразумевает предоставление всесторонних знаний независимо от формы их получения (в режиме on-line, в классе и т. д.). В таком случае компетенции обычно делятся на: профессиональные, информационные, культурные и т. д.

Второй подход к реализации компетентностного образования, связан с Болонским процессом, распространенным в Европе и России. Широко признано, что Болонский процесс с реформами учебных программ высшего образования, основанными на компетенции, подразумевает полную реконфигурацию европейского и российского ландшафта высшего образования. В рамках обоснования учебной программы, основанной на компетенциях, компетентность была определена в качестве основного компонента университетской учебной программы. Феноменографический анализ с использованием интервью проводился с тремя различными группами координаторов учебных программ, учителей и студентов в 26 различных учебных заведениях. Результаты показывают, что компетентностное образование развивается, и большинство учреждений разработали свое образование с помощью сочетания традиционного и компетентностного образования и оценки [4]. Мы считаем, что наилучшее решение здесь лежит в сфере сочетания подходов в образовании, поскольку компетентностное образование представляет собой совокупность общих принципов для определения целей образования, выбора содержания образования, организации образовательного процесса и оценки образовательных результатов.

Говоря о компетентностном образовании, мы предполагаем, что оно должно быть междисциплинарным по своей сути. Применение междисциплинарного подхода является одним из ключевых факторов успеха развития научных знаний и его отражения в образовательном процессе. Наиболее эффективна та программа, которая имеет сложный характер, обеспечивая органическую взаимосвязь различных дисциплин в учебном плане, модуле или междисциплинарном курсе.

В качестве примера можно привести программу «Арабский язык», которая была запущена в Военном университете Министерства обороны (ВУМО) в рамках специальности «Перевод и переводоведение». Программа включает

обязательные дисциплины из разных областей науки, но объединенные одной идеей. Задача этой программы не просто дать обучающимся все группы диалектов арабского языка, а научить будущих специалистов владеть инструментарием перевода. Поэтому, параллельно с изучением языка на специальности проходят практикумы по переводу и культуре речи. Среди обязательных дисциплин преобладают лингвистические и филологические, например, теория перевода, теоретическая грамматика, стилистика, лексикология. Также изучение арабского языка всегда сопровождается изучением искусства, культуры, истории мусульманского мира, этнографии ислама и т. д.

Связь между дисциплинами проявляется в том, что необходимо изучать область знаний и с привлечением соответствующих источников на арабском языке. Кроме того, каждый «гуманитарный» учебный план должен включать некоторые математические дисциплины. Традиционно этих студентов учат без внимания к основной специализации. В случае с программой «Арабский язык» в ВУМО существует дисциплина «Статистические методы обработки данных». Обучающиеся изучают статистические методы с их внедрением в обработку текстов на арабском языке. Такой подход требует от преподавателя знания компьютерных технологий и арабского языка определенного уровня.

Другая «математическая» дисциплина в учебном плане – «Сложности оцифровки и каталогизации арабских рукописей». В этом случае мы являемся свидетелями оптимального взаимодействия разностных компетенций: это информационная компетенция (навыки работы с компьютером), языковая компетенция (обработка материала на арабском языке), компетенция в изучении источников. Такой подход нельзя назвать фальшивым. Здесь необходимо упомянуть тот факт, что сейчас мы наблюдаем тенденцию, когда адъюнкты в ВУМО изучают арабский язык, поскольку их научная деятельность основана на обработке документов на арабском языке.

Современная образовательная парадигма также может быть продемонстрирована на примере реализации взаимной образовательной программы, которая была запущена между Мичиганским университетом и Санкт-Петербургским университетом в рамках программы «Исламских исследований». Программа объединяет методы занятий в аудитории, использование

Blackboard, служит платформой для совместной работы и хранилищем текстовых, аудио- и видеоматериалов. В то же время проводятся веб-семинары для обеспечения связи в режиме реального времени. В современном мире языковые навыки и умения являются одними из факторов, определяющих конкурентоспособность в личной и общественной жизни, конкурентоспособность на рынке бизнеса и труда. Эти факторы объясняют растущий интерес к проблеме языкового образования, как среди специалистов, так и среди широкой общественности.

В случае программ «Арабский язык» и «Исламские исследования» изучение арабского языка является обязательным условием подготовки квалифицированного специалиста в соответствующей области. Таким образом, компетентностное образование при реализации данных программ объединяет профессиональные, информационные и языковые компетенции обучающимся.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Компетентностное образование предполагает развитие у обучающихся способностей решать проблемы в различных сферах деятельности на основе использования социального опыта. Идея образовательного процесса заключается в создании условий для развития у обучающихся опыта самостоятельного решения познавательных, коммуникативных, организационных, нравственных проблем. Это овладение универсальными компетенциями, способными справиться с вызовами времени независимо от конкретной области профессиональной деятельности.

2. Реализация компетентностного образования различается в разных частях света, но все равно оно направлено на то, чтобы вооружить обучающихся навыками для самостоятельного решения ряда задач, включая задачи личного и профессионального характера.

3. Внедрение компетентностного образования заставляет преподавателей следовать современным тенденциям и быть в курсе технологий, доступных на рынке электронных ресурсов, а также умело применять свои знания в области информационных технологий на практике. Указанные тенденции создали необходимость в разработке программы повышения квалификации преподавателей.

4. Примеры программ «Арабский язык» и «Исламские исследования» демонстрируют, что высококвалифицированный специалист должен быть компетентен в разных областях науки. В настоящее время значительно расширились область исследований, добавив к классическим гуманитарным наукам, таким как филологические, исторические, этнологические, религиозные исследования, культурология, философия, еще один блок дисциплин социальных и экономических наук. Императивом исследований здесь является универсальное и всеобъемлющее знание, которое включает как гуманитарные, естественнонаучные, так и профильные компоненты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Образование, основанное на компетенциях: Информационный инструментарий государственной политики, Фонд передового опыта в образовании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.excelined.org/wp-content/uploads/02.23.2016-CBE-State-Communications-Toolkit.pdf>.

2. Национальный консорциум по проектированию, разработке и масштабированию новых моделей обучения студентов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cbenetwork.org/about>.

3. Подходы «умного государства» к образованию на основе компетенций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.excelined.org/opportunity-learning-hub/>.

4. Коенен А. К. Феноменологический анализ внедрения компетентностного образования в высшем образовании, обучение и педагогическое обучение [Электронный ресурс] / А. К. Коенен, Ф. Дочи, И. Бергманс. – Режим доступа: <https://daneshyari.com/article/preview/373871.pdf>.

REFERENCES

1. *Obrazovanie, osnovannoe na kompetencijah: Informacionnyj instrumentarij gosudarstvennoj politiki, Fond peredovogo opyta v obrazovanii* [Competency-based education: public policy information toolkit, foundation for excellence in education], p. 1-28. Available at: <http://www.excelined.org/wp-content/uploads/02.23.2016-CBE-State-Communications-Toolkit.pdf>. (In Russian).

2. *Nacional'nyj konsorcium po proektirovaniju, razrabotke i masshtabirovaniju novykh modelej obuchenija studentov* [National Consortium for the Design, Development, and Scaling of New Student Learning Models]. Available at: <http://www.cbenetwork.org/about>. (In Russian).

3. *Podhody «umnogo gosudarstva» k obrazovaniju na osnove kompetencij* [The approaches of the “smart state” to education based on competencies]. Available at: <https://www.excelined.org/opportunity-learning-hub/>. (In Russian).

4. Koenen A.K., Dochy F., Berghmans I. A phenomenographic analysis of the implementation of competence based education in higher education. *Obuchenie i pedagogicheskoe obuchenie = Teaching and Teacher Education*, 2015, vol. 50, pp. 1-12. Available at: <https://daneshyari.com/article/preview/373871.pdf>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Третьяченко Д. С. Компетентностное образование: от теории к профессиональной деятельности / Д. С. Третьяченко, В. И. Маркелов, Д. А. Мороз // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3. – С. 22–29.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tretyachenko D. S., Markelov V. I., Moroz D. A. Competency-based Education: From Theory to Professional Activity / D. S. Tretyachenko, V. I. Markelov, D. A. Moroz // *The Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 2019, No. 3, pp. 22–29. (In Russian).

УДК-378.147

Третьяченко Дмитрий Сергеевич
аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет» (г. Армавир)

Маркелов Владимир Иванович
аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет» (г. Армавир)

Сергеева Кристина Сергеевна
магистрант ФГБОУ ВО
«Армавирский государственный
педагогический университет»
(г. Армавир)

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
РЕАЛИЗАЦИИ
КОМПЕТЕНТНОСТНОГО
ПОДХОДА К ПОДГОТОВКЕ
СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ**

Аннотация:

В качестве интегрального социально-личностного и поведенческого феномена как результата образования сегодня выступают компетенции и компетентности студентов. История формирования этих понятий берет начало не в педагогике, где, начиная с Яна Амоса Коменского, «царствовали» знания, умения и навыки, а в области бизнеса, управления и подготовки кадров. Знания, умения и навыки – это единицы культуры и ее ценностей, а компетенции – единицы рыночной экономики и профессиональной деятельности. Концепция модернизации Российского образования ориентирована на реализацию

Tretyachenko Dmitry Sergeyeovich
post-graduate student, Armavir
State Pedagogical University
(Armavir)

Markelov Vladimir Ivanovich
post-graduate student, Armavir
State Pedagogical University
(Armavir)

Sergeeva Kristina Sergeevna
Master's student, Armavir State
Pedagogical University (Armavir)

**PEDAGOGICAL BASES OF
IMPLEMENTING THE COMPETENCE
APPROACH IN TRAINING
UNIVERSITY STUDENTS**

Abstract:

Presently, education is aimed at the formation of students' competencies as an integral social-personal and behavioral phenomenon. The history of the formation of these concepts did not originate in pedagogy, where, starting with Jan Amos Komensky, knowledge and skills "reigned", but in the field of business, management and training. Knowledge, skills and abilities are units of culture and its values, whereas competencies are units of a market economy and professional activity. The concept of the modernization of Russian education is focused on the implementation of a competence-based approach in education, on the formation of key (basic, universal, etc.) competencies, that is, students'

компетентного подхода в образовании, на формирование ключевых (базовых, универсальных и т. д.) компетенций, т. е. готовности обучающихся использовать усвоенные знания, умения и навыки, а также способы деятельности в жизни для решения практических и теоретических задач.

readiness to use acquired knowledge, skills and abilities, as well as methods of activities in life for solving practical and theoretical problems.

Ключевые слова:

образование, компетентный подход, педагогический процесс, субъект образования, педагогические и деятельностные аспекты образования.

Keywords:

education, competence approach, pedagogical process, subject of education, pedagogical and action-related aspects of education.

Образование можно рассматривать как социокультурный феномен, объект научных исследований и звено социальной практики.

Андреев В.И. считает, что образование – это индивидуальная культура различных видов деятельности и общения человека, которыми он овладевает на основе целенаправленной и целостной системы обучения и воспитания, переходящей в самообразование. Закон РФ об образовании определяет образование как воспитание и обучение в интересах развития личности, общества и государства, а также как услугу. Образование как сокровище предполагает приобщение к культуре – основе положительных достижений человечества. Образование как система включает его структуру, компонентный состав по уровням управления, содержанию, формам, методам, средствам и т. д. Образование как процесс – это его изменения в течение времени и изменения в сознании субъекта – собственного образа, потребностей, норм, способностей, осознание себя. Образование как услуга предполагает создание условий для обеспечения результата, включающих материально-техническую базу и квалифицированный преподавательский состав [1, с. 119].

Образование не единственное средство социализации человека, но, без всякого сомнения, важнейшее. Потому что оно представляет собой своего рода социальную, систематизированную технологию интенсивного введения

человека в культуру специально подготовленными для этого людьми под надзором общества.

Постепенно, с большими трудностями происходит замена обветшалой парадигмы: «дать знания» на новую субъектно-ориентированную (субъект – обучающийся, осознающий свою деятельность, самостоятельность и ответственность в образовании и собственных достижениях): «обеспечить способность и готовность к грамотному действию», что и есть компетенция.

Перспективным считается онлайн-образование, которое все-таки является дополнением, а не заменой тех форматов образования, которые существуют. В сентябре 2015 года в Москве была представлена национальная платформа открытого образования, предлагающая онлайн-версию базовых университетских курсов, созданных восемью университетами: МГУ, СПбГУ, НИУ «ВШЭ», МФТИ, НИТУ «МИСиС», УрФУ и ИТМО. По заявлению разработчиков, после прохождения этих курсов, участники программы сдают экзамен и получают сертификат. При согласии администрации учебного заведения, студентам засчитывают прохождение курсов в диплом. По мнению разработчиков, данный формат обучения можно использовать и для дистанционного обучения, и для курсов повышения квалификации.

Метапринципы развития высшего образования – это системный, аксиологический, культурологический, антропологический, гуманистический, синергетический (предполагающий нелинейность в движении), герменевтический (это осмысление и истолкование) [7, с. 167].

Образование в учебных заведениях реализуется через педагогический процесс – специально организованный, позитивно результативный образовательный процесс, в котором активно участвует сам обучающийся, работая над созданием своего «образа».

Составляющие педагогического процесса – воспитание, обучение, развитие. Образовательное пространство – пространство, в котором происходят образовательные процессы и взаимодействия с окружающим миром.

Психология – это наука о психических функциях, свойствах, процессах, состояниях. Объектом педагогики и психологии выступают явления действительности, которые обуславливают становление и развитие человеческого индивида в процессе целенаправленной деятельности воспитателя, общества и самого индивида [4, с. 81].

Предметом педагогики высшей школы является определение закономерностей педагогического процесса, цель которого – подготовка специалистов способных, исходя из гражданской позиции, решать производственные или научные задания и отвечать за их решение. Предмет психологии высшей школы – психологические закономерности, условия эффективности процессов обучения, воспитания и развития в вузе.

Задачами педагогики высшей школы являются:

- выявление закономерностей в областях воспитания, развития, обучения в вузе;
- изучение и синтезирование практики и опыта психолого-педагогической деятельности;
- прогнозирование высшего образования, направлений развития теории и практики;
- внедрение результатов исследования в практику.

Субъект образования – субъект осознания самого себя и взаимодействия с окружающим миром – сложной системой с элементами: био-социо-дух, соответствующим понятиям: индивид-личность-человек.

Образование – это индивидуальная культура различных видов деятельности и общения человека, которыми он овладевает на основе целенаправленной и целостной системы обучения и воспитания, переходящей в самообразование (А. Андреев) [1, с. 302].

Воспитание (В) – процесс управления субъектом персональными потребностями (п), определяющий уровень духовности и образ жизни (М.Т. Громкова). В образовательных процессах преднамеренно организовано, через постановку целей (ц) как образа результата (достижения). Проявляется как самоопределение при принятии решений в различных обстоятельствах. Обучение (О) – процесс усвоения новых норм (н), правил, предписаний, установок, законов, определяющих степень приобщения к культуре, достижениям общества. В образовательных процессах специально организовано и осуществляется через содержание (с) как усвоение новой информации. Проявляется как нормы, принципы, правила и т. д. культурного деяния. Развитие (Р) – процесс возвращения способностей (Сп) путем освоения способов деятельности, определяющих уровень цивилизованности.

В образовательных процессах специально организовано и осуществляется через методы (м) как совместные способы деятельности, вырабатываются, окультуриваются способности мыслить (аналитические), владеть словом (коммуникативные), осознавать действия (рефлексивные). Процесс продолжается при совершении новых, творческих действий. Взаимосвязь компонентов педагогического процесса представлена на рисунке 1.

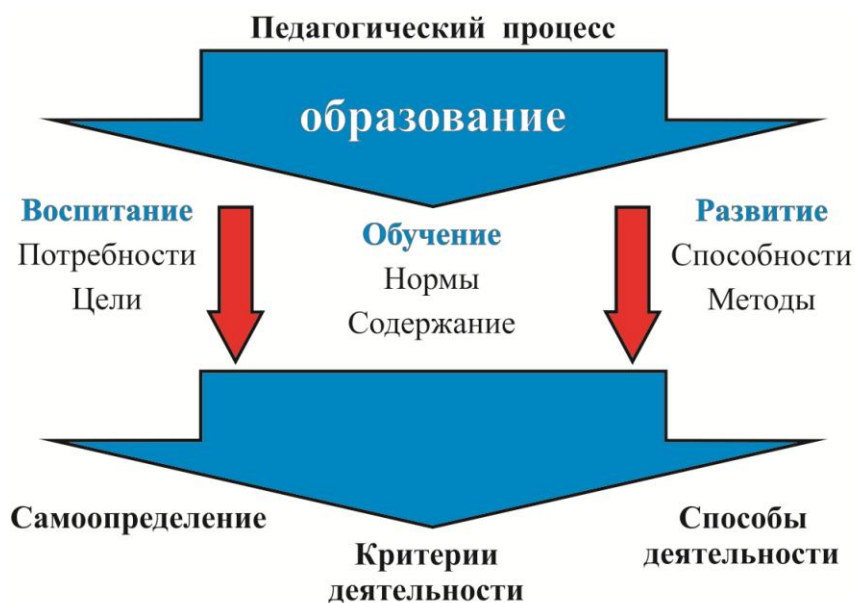

Рис. 1 – Схема взаимосвязи компонентов педагогического процесса

Потребности – нужда в чем-либо, по функциям – источник активности. Различают потребности биологические, социальные, духовные.

Способности – способ совершения действий, в которых проявляются, развиваются способности биологические, социальные, духовные.

Нормы, по сути, усвоенная информация об окружающем мире и о себе в нем. Это правила, установки, законы, воспринятые как свои нормы жизни, деятельности и поведения.

Проблема – психологическое состояние волнения, порожденная несоответствием между потребностями, нормами и способностями, реальное препятствие, которое не преодолевается имеющимися средствами и требует переосмысления ситуации и себя в ней.

Итак, управление субъектом своими потребностями есть воспитание, изменение внутренних норм, усвоение новых есть обучение, изменение способностей, овладение способами действий есть развитие.

Результат этих процессов выражается в уровне духовности, приобщении к культуре, цивилизованности и существенно влияет на профессиональную и личную успешность в жизни.

Безусловно, субъект образования – это часть окружающего мира с его взаимопроникающими пространствами: биологическим, социальным и духовным. Он, как и все мы, индивид и причастен к биосфере, природе. С течением жизни индивид приобретает много нового к тому, чем наделила его природа, приобщается к культуре, ее ценностям, становится личностью в социуме. Человеком индивида делает дух (духовность как способность «творить добро и красоту», отстаивать гуманистическую позицию).

БИО	СОЦИО	ДУХ
ИНДИВИД	ЛИЧНОСТЬ	ЧЕЛОВЕК

Таким образом, окружающий нас мир – это три взаимно пересекающиеся сферы условий: природная, социум и ноосфера.

Они составляют неделимую целостность. Субъектно-ориентированная позиция обучающегося предполагает анализ каждой из составляющих и дальнейшее объединение их в единое целое, изменяющееся и совершенствующееся в течение жизни субъекта [8, с. 265].

Феноменологическая концепция развития и бытия личности академика Валерии Сергеевны Мухиной предполагает, что личность развивается на пересечении 5 реалей: предметный мир, реальность образно-знаковых систем, природная реальность, реальность социально-нормативного пространства, реальность внутреннего пространства личности. Выделяется 5 структурных звеньев самосознания:

1. Имя как социальный знак и как кристалл личности, соединенный с телесностью человека в его целостном самовосприятии.

2. Притязание на признание как проявление феноменологии социальной сущности человека, определяющей его внутреннюю позицию по отношению к себе и другим людям.

3. Половая идентификация в ее социальных ожиданиях и реальном воплощении как феноменологически присущее человеку движение к гендерным установлениям и уникальному самовосприятию идентичности своего «Я».

4. Психологическое время личности: индивидуальное прошлое – настоящее – будущее и историческое время всего человеческого рода.

5. Психологическое пространство личности, ее прав и обязанностей – социально-нормативное пространство личности, определяемое морально-нравственными установлениями общества. (Мнемотехнический прием для запоминания: «Я, Петя, хороший мальчик, был, есть и буду, должен, имею право»).

Рассмотрим триединый процесс образования, в котором происходит развитие личности через обучение и воспитание в психологическом, педагогическом и деятельностном аспектах (табл. 1) [2, с. 203].

Таблица 1

Психологический, педагогический и деятельностный аспекты образования

Образование как процесс	Психологический аспект	Педагогический аспект	Деятельностный аспект
Воспитание	Управление собственными потребностями	Специально организованный процесс выращивания из потребностей целей	Самоопределение в деятельности, принятие решений в конкретных ситуациях
Обучение	Усвоение новой информации об окружающем мире и себе	Специально организованный процесс усвоения знаний	Овладение критериями, нормами, правилами деятельности
Развитие	Выращивание собственных способностей путем совершения действий	Специально организованный процесс овладения методами для выращивания способностей	Выращивание способностей через овладение способами деятельности

Образовательные процессы происходят во взаимосвязи внутреннего с внешним, осуществляя их взаимопроникновение: внешнего во внутреннее через отражение и обогащение внутреннего образа, внутреннего во внешнее через осознание. Для обучающегося образование как процесс – это изменение внутреннего образа в соответствие с культурой, как результат – это культурный уровень личности, включающий культуру коммуникативную, мыслетехническую, рефлексивную; культуру нравственную, правовую, экологическую, эстетическую и т. д.

Образование как приобщение к культуре предполагает использование ее в деятельности: самоопределении, целеполагании, владение знаниями, нормами и правилами, способами деятельности. Что и составляет профессиональную культуру [5, с. 416].

Образовательный процесс – это осознание субъектом расположенного вокруг мира и взаимодействия с ним, осознание собственных действий, в результате чего в его сознании происходят изменения потребностей, норм, способностей, в целостности и единстве происходят процессы воспитания, обучения, развития.

Изучение внутренних взаимосвязей позволяет выделить функции образовательного начала в жизнедеятельности субъекта:

- расти – приращивать потребности, нормы, способности;
- управлять потребностями (воспитание), присваивать новые нормы (обучение), наращивать способности (развитие);
- образовывать себя – потребности оформлять в цели, к собственным нормам добавлять новое содержание, овладевать методами, развивая способности;
- готовить себя к деятельности – соотносить собственные цели, усвоенное содержание и освоенные методы с целями, содержанием и методами деятельности, адаптируясь к ней;
- самоопределяться – принимать решения и брать на себя ответственность, владеть критериями и способами деятельности [6, с. 231].

Первостепенное значение имеет в этой связи выращивание собственной педагогической точки зрения – все описанные приращения должны пройти через сознание преподавателя, превратиться в его убеждения, его позицию. Педагогическая позиция преподавателя проявляется как его сознание (осознание собственного жизненного опыта): система потребностей, система норм, система способностей и его жизнедеятельность. Если преподаватель признает функции образовательного начала в жизнедеятельности своим профессиональными функциями, то ему следует стремиться к обеспечению целостности образования как единству процессов воспитания, обучения, развития, то есть к соразмерности воздействия на потребности, нормы и способности – к гармонии. Формирование педагогической квалификации

преподавателя высшей школы можно рассматривать как единство и целостность педагогической позиции (понимание собственных функций) и владение педагогическими технологиями [3, с. 198].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бордовская Н. В. Психология и педагогика : Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения / Н. В. Бордовская, С. И. Розум. – СПб. : Питер, 2013. – 624 с.
2. Голованова Н. Ф. Педагогика : Учебник и практикум для академического бакалавриата / Н. Ф. Голованова. – Люберцы : Юрайт, 2016. – 377 с.
3. Мандель Б. Р. Педагогика : Учебное пособие / Б. Р. Мандель. – М. : Флинта, 2014. – 288 с.
4. Бороздина Г. В. Психология и педагогика : Учебник для бакалавров / Г. В. Бороздина. – Люберцы : Юрайт, 2016. – 477 с.
5. Подласый И. П. Педагогика. В 2-х т. Т. 1. Теоретическая педагогика : Учебник для бакалавров / И. П. Подласый. – М. : Юрайт, 2013. – 777 с.
6. Марцинковская Т. Д. Психология и педагогика : Учебник / Т. Д. Марцинковская, Л. А. Григорович. – М. : Проспект, 2013. – 464 с.
7. Крысько В. Г. Психология и педагогика : Учебник для бакалавров / В. Г. Крысько. – Люберцы : Юрайт, 2016. – 471 с.
8. Синичкина Н. Е. О «девиациях» в новой педагогической действительности высшей школы / Н. Е. Синичкина // Педагогическое пространство вуза: технологии, смыслы, ценности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. И. Ю. Лапиной, Н. Е. Синичкиной ; СПбГАСУ. – СПб., 2012. – С. 264–268.

REFERENCES

1. Bordovskaya N.V. *Psihologija i pedagogika: Uchebnik dlja vuzov. Standart tret'ego pokolenija* [Psychology and Pedagogy: Textbook for Universities. The Standard of the Third Generation]. SPb, Piter, 2013. 624 p.
2. Golovanova N.F. *Pedagogika: Uchebnik i praktikum dlja akademicheskogo bakalavriata* [Pedagogy: Textbook and Workbook for Academic Bachelor]. Lyubertsy, Yurayt, 2016. 377 p.
3. Mandel B.R. *Pedagogika: Uchebnoe posobie* [Pedagogy: Textbook]. Moscow, Flint, 2014. 288 p.
4. Borozdina G.V. *Psihologija i pedagogika: Uchebnik dlja bakalavrov* [Psychology and Pedagogy: Textbook for Bachelor Students]. Lyubertsy, Yurayt, 2016. 477 p.
5. Podlasy I.P. *Pedagogika* [Pedagogy]. Moscow, Yurayt, 2013. Vol. 2, 777 p.

6. Martsinkovskaya T.D. *Psihologija i pedagogika* [Psychology and Pedagogy]. Moscow, Prospect, 2013. 464 p.

7. Krysko V.G. *Psihologija i pedagogika* [Psychology and Pedagogy]. Lyubertsy, Yurayt, 2016. 471 p.

8. Sinichkina N. Ye. About “deviations” in the new pedagogical reality of higher education *Pedagogicheskoe prostranstvo vuza: tehnologii, smysly, cennosti: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. = Pedagogical space of the university: technologies, meanings, values: materials of All-Rus. scientific-practical conf.*, SPb., 2012. pp. 264-268. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Третьяченко Д. С. Педагогические основы реализации компетентностного подхода к подготовке студентов в вузе / Д. С. Третьяченко, В. И. Маркелов, К. С. Сергеева // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3. – С. 30–39.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tretyachenko D. S., Markelov V. I., Sergeeva K. S. Pedagogical Bases of Implementing the Competence Approach in Training University Students / D. S. Tretyachenko, V. I. Markelov, K. S. Sergeeva // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 3, pp. 30–39. (In Russian).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК-171: 328.185

Глечян Эдуард Русланович
кандидат философских наук,
преподаватель НЧОУ ВО
«Армавирский лингвистический
социальный институт» (г. Армавир)

Glechyayn Eduard Ruslanovich
Candidate of Philosophical Sciences,
Teacher, Armavir Linguistic Social
Institute (Armavir)

Похилько Александр Дмитриевич
доктор философских наук,
профессор, профессор кафедры
философии, права и социально-
гуманитарных наук ФГБОУ ВО
«Армавирский государственный
педагогический университет»
(г. Армавир)

Pokhilko Alexander Dmitrirovich
Doctor of Philosophical Sciences,
Professor, Professor of the
Department of Philosophy, Law and
Social and Humanitarian Sciences,
Armavir State Pedagogical University
(Armavir)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ КОРРУПЦИИ В ФИЛОСОФСКО- АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

SOCIOCULTURAL FACTORS OF CORRUPTION IN THE PHILOSOPHICAL- ANTHROPOLOGICAL DIMENSION

Аннотация:

Авторы рассматривают коррупцию в философско-антропологическом аспекте, подчеркивая необходимость учета субъективной стороны коррупции, роли «человеческого фактора». Не отрицая значимости социальных технологий, авторы отмечают, что эти технологии должны использоваться меритократией, в особенности, в сфере СМИ. Современное положение дел в российской действительности осложняется тем, что законы наград и кар, открытые великим

Abstract:

The authors consider corruption in a philosophical and anthropological sense emphasizing the need to take into account the subjective side of corruption, the role of the "human factor". Without denying the importance of social technologies, the authors note that such technologies should be used by meritocracy, especially in the field of mass media. The current state of affairs in Russian reality is complicated by the fact that the laws of awards and punishment, discovered by P.A. Sorokin, are not applicable to Russian reality anymore

социологом П.А. Сорокиным, непосредственно уже неприменимы к российской действительности, поскольку общество и государство оказались в непростой ситуации «вынужденной коррупции». Эти законы надо преломлять через процесс формирования современной политической элиты. В статье делается вывод о том, что в контексте расширения масштабов коррупции гетерономия социальных законов не может действовать из-за индивидуальной аномии и цивилизационного кризиса личности.

Ключевые слова:

коррупция, человек, человеческий фактор, личность, сознание, кары, автономия, гетерономия, цивилизационный кризис.

since society and the state are in a difficult situation of “forced corruption”. These laws must be refracted through the process of the formation of modern political elite. The article concludes that in the context of expanding the scale of corruption, the heteronomy of social laws cannot be efficient due to individual anomie and a personality civilization crisis.

Keywords:

corruption, human, human factor, personality, consciousness, punishment, autonomy, heteronomy, civilization crisis.

В данной статье хотелось бы подчеркнуть необходимость большего учета «человеческого фактора» коррупции в научных исследованиях для понимания особенности формирования антикоррупционной политики в условиях современной России. Нашей главной задачей при этом будет анализ действенности факторов автономии и гетерономии в таких формах человеческой субъективности, как реакции на награды и кары (законы наград и кар) применительно к личности российского гражданина. Тема коррупции остается чрезвычайно актуальной, о чем свидетельствует и большое количество научной литературы по данной теме [1; 6; 7; 9; 10; 13; 14; 15], которую мы используем далее.

Ключевым в антропологическом аспекте понятием является автономия человека, личностная автономия. Именно незрелость личности ослабляет сопротивление расширению коррупции. Автономия личности выступает основой гражданского общества, которое является главным субъектом, заинтересованным в борьбе с коррупцией. В данном контексте представляются интересными для нас исследования Жюль Делёза, который утверждал,

что если человек стремится к автономности, уважению прав и свобод личности, если он хочет жить в открытом и свободном обществе, то ему необходимо осознать проблему личной идентичности, понять, что очень сложно стать личностью и быть ею, оставаться личностью. Он полагал, что ценностная суверенность индивида и само право человека быть подлинной личностью выступают базовыми принципами, следовательно, если эти принципы будут разрушены, то соответственно разрушится вся форма социальности, т. е. рухнет вся западная цивилизация. Это и есть цивилизационный кризис [3].

Коррупция в нашем случае понимается широко – как интенция индивидуальной аномии, служащая основой для аномии социальной. В философско-антропологическом аспекте такое понимание коррупции существенно отличается от трактовки коррупции в социальном измерении даже в научных статьях. Коррупция же в позитивном праве рассматривается достаточно узко, как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; совершение деяний, указанных в подпункте "а" настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица» [12]. Более того, к сожалению, определение коррупции в достаточно широком смысле не введено в полной мере в правовое поле России. Коррупция трактуется узко, сводится в основном к тривиальной даче или получению взятки. Ясно, что коррупция – это гораздо более широкое и опасное явление цивилизационного кризиса личности. Это подрыв доверия личности к «общественному договору» с государством.

В нормах международной юстиции, коррупция толкуется расширено, шире, нежели как в отечественной юстиции: «...коррупция судей понимается как нечестные, мошеннические или неэтичные действия судьи, совершенные

в целях получения личной выгоды и выгоды для третьих лиц» [11]. Тут необходимо обратить внимание на то, что международный Законодатель олицетворяет коррупцию не только с получением выгоды имущественного характера. Логика выражения «получения личной выгоды и выгоды третьих лиц» позволяет истолковывать это явление намного шире, нежели как нам позволяет это делать российский Законодатель. Международный Законодатель указывает: «Субъективные соображения, связанные с продвижением по службе, могут вызвать равнодушие судьи к риску небеспристрастности в конкретном деле. Помимо этого, имидж судьи и, как следствие, имидж судебной власти сильно страдает, когда судья рассматривает дело, в котором для него/нее есть прямой или косвенный личный или финансовый интерес, зависящий от исхода дела» [11].

В антропологическом плане мы не будем сводить коррупцию только к одному индивиду. Наиболее пагубное влияние она оказывает на верхушку власти, которую принято обычно связывать с понятием «элита». Разумеется, при анализе элит очень важен личностно-индивидуальный момент политического и правового сознания. Анализ автономности сознания элиты, связанный с действием кар и наград, представляет интерес в связи с выявлением взаимодействия гетерономии и автономии в правовой культуре [10]. «Кары, так и награды влияли и влияют на поведение человека... Если бы не было этих рычагов, поведение, как целых народов, так и отдельных личностей было бы существенно иным» [10, с. 115]. Эти законы наград и кар впервые в классически ясной форме были сформулированы П.А. Сорокиным [10, с. 119–134]. Кратко напомним их суть.

Во-первых, одна и та же награда или кара тем сильнее влияют на поведение человека, чем момент их выполнения ближе. Как показала практика, если руководитель «сел» на должность на длительный срок, например, на десять или двадцать лет, то создает вокруг себя систему коррупции. Итак, важен фактор времени.

Во-вторых, они тем сильнее влияют на поведение одного и того же человека, чем сильнее в нем уверенность в их неизбежности. Взятку трудно отследить и доказать, поэтому она, несмотря на ее особую опасность для общества, широко распространена. Не жестокость, а твердое убеждение, что ты будешь наказан, вызывает страх и заставляет воздерживаться

от взятки. С другой стороны, воздержание от взятки должно поощряться, должно быть замечено и вознаграждено.

В-третьих, одна и та же награда или кара при прочих равных условиях тем сильнее действует на поведение, чем больше данный человек нуждается в этой награде или чем большее «благо» отнимает у него кара. То есть потребность быть честным должна подкрепляться материально и морально в соответствии с индивидуальным интересом. С другой стороны, самое страшное наказание – это угроза конфискации всего имущества.

В-четвертых, влияние одной и той же кары или награды на различных людей зависит от характера и интенсивности научного, религиозного или морального мировоззрения. Например, если человек спасает душу, то он не будет воровать, брать взятки, потому что верит в рай и ад. Твердые нравственные убеждения автономной личности – лучшее препятствие против коррупции. Еще Конфуций четко различал благородного человека, который руководствуется моралью и низкого человека, который руководствуется выгодой, корыстью. Коррупционер – это нравственно опустошенная, «продажная» личность, хотя с виду это человек с высоким чувством собственного достоинства.

Наконец, в-пятых, влияние различных кар или наград зависит от представлений индивида о «должном» и «справедливом». Если человек соглашается с тем, что он не должен брать взятки, то кары или награды действуют лучше. А если человек твердо убежден, что «справедливо» для него собирать «дань», то эффективность кар и наград будет минимальной, поскольку им оказывается сильное внутреннее противодействие. Коррумпированные руководители часто убеждены, что им «брать» можно, а другим – нельзя, ибо они избранные.

Итак, в чем вред коррупции? Она разлагает сознание, убивает веру в справедливость, ведет к аномии. Коррупция – это насилие сильного над слабым. В России, где нет традиций гражданского общества, слабый привык к тому, что его права и свободы попирают сильные. Правовой нигилизм служит питательной почвой для коррупции. В свою очередь, коррупция подрывает правовое и нравственное сознание. Как следствие – рост числа «продажных личностей». На этом моменте хотелось бы остановиться подробнее [8].

Становление рыночной экономики в России не является панацеей, лекарством от всех болезней. Появился феномен «рыночной», доходящей до «продажности» личности. Анализируя этот феномен «продажности», Н.С. Пряжеников, аналогично Э. Фромму [13], акцентирует внимание на основных характеристиках «рыночной личности» и применяет эти характеристики к познанию современной российской действительности. Для рыночной системы всякая личность имеет стоимость и цену, которая определяется внешними условиями, а не самооценкой. Самооценка тоже подчинена внешней идентичности. Личностная автономия деградирует вначале до уровня социальной гетерономии, а потом уже по инерции – до уровня индивидуальной аномии.

Характеризуя личность с «рыночной ориентацией», Э. Фромм выделил такую ее черту, как «изменчивость установок»: она как раз и «составляет единственное перманентное свойство такой ориентации... При этой ориентации развиваются те свойства, которые можно пустить на продажу. Доминирует не какая-то одна частная установка, а пустота, которую можно скорейшим образом наполнить желаемым свойством» [14, с. 79]. В зависимости от конъюнктуры «рынка личностей» человек может быстро сориентироваться и приобрести необходимые качества (респектабельность, хорошее здоровье, доброту, оптимистичность, эрудицию, патриотизм). Но все это лишь до того момента, когда конъюнктура рынка опять не изменится. «Личность-пустота» способна на достижения и действия, но она не способна на постоянное нравственное напряжение поступка, на «длющийся поступок», который обеспечивает длительную внутреннюю работу с ценностями и смыслами, личностный рост и «самостроительство».

И, все-таки, как отмечает Н.С. Пряжеников, если опуститься с неба на землю, то следует признать, что «рыночных личностей» достаточно много и не все из них переживают такое свое состояние. Более того, «мы можем предположить, – пишет он, – что «рыночные личности» – это не только неизбежный, но и необходимый элемент общества на данном этапе его развития. А сама идея «рыночной личности» со всеми вытекающими отсюда проблемами и преимуществами – это своеобразный тест, важное условие проверки своей системы ценностей и возможность личностного выбора для каждого

самоопределяющегося человека» [8, с. 15]. Как известно, легализация «рыночных отношений» стала российской реальностью лишь во второй половине 80-х годов XX века. И когда почти все стало «разрешено» или не запрещено, «рыночные отношения» стали переносить во все, самые неожиданные сферы жизнедеятельности: в дружеские и интимные отношения, в сферу творчества, в религию и т. п.

Если взглянуть на ситуацию реалистично, то идея «продажности» стала чуть не основой государственной политики. Свидетели событий начала «бурных девяностых» помнят высказывания молодых экономических «гениев» самых высших рангов о том, что «первоначальное накопление капитала» невозможно без «некоторого нарушения закона», или о том, что бедственное положение пенсионеров – это расплата за то, что они не сумели воспитать детей, которые могли бы их кормить в «переходный период», что Сергей Мавроди – гений и за такими, как он, будущее России. Это послужило плохим примером для самоопределяющейся молодежи. Прямо противоположный пример можно привести из истории. Невероятно метко и бесстрашно ответил Конфуций на вопрос правителя царства: что делать, если в моем царстве воруют? – Не воруйте сами, тогда и подданные перестанут воровать [5]. Правительство Егора Гайдара провело невиданную в истории России кампанию, которая была названа «приватизацией», а на деле была лишением народа собственности и обогащением очень узкого круга лиц, прямо или косвенно связанных с властью. Было положено начало широкомасштабному коррупционному процессу, поскольку суть коррупции – это трансформация власти в деньги и собственность.

Автономность правового сознания относительна, явно связана с политической гетерономией. Нравственное содержание автономности правового сознания преобразуется в его (правового сознания) активность, связанную с «человеческим фактором» права. Все «коррупционеры» начинают незаконно обогащаться, имея убеждение в моральной непозволительности такого обогащения, но при частом повторении в их сознании нравственное убеждение слабеет, и, в конце концов, они освобождаются от всяких упреков своей совести. Приобретая защиту после сакраментального «делиться надо», он перестает бояться, начиная относиться к этому как к повседневности, а не к преступлению.

Коррупция означает распад, разложение. Что разлагается? Распадается человек, а не только система государственной власти. Разлагается правовое сознание. Мораль не действует. Быстро создается организованная преступность, отмываются полученные деньги, возникает почва для смежных преступлений. Что же делать? В свое время критерием оздоровления высших эшелонов властной элиты стало принятие закона о коррупции [12]. Он, казалось бы, стал, прежде всего, актом нравственного покаяния. Однако принятие закона не смогло остановить коррупцию. Закон не избавляет, а наоборот, предполагает, что нам надо стать цивилизованными и проводить цивилизованную антикоррупционную политику.

В идеале, учитывая законы П.А. Сорокина, надо немедленно поощрять за честность и немедленно наказывать за нарушение закона, делая наказания неизбежными. Не жестокими, но обязательно неизбежными и немедленными, применимыми ко всем чиновникам без исключения. Угроза действует сильнее исполнения. Парадокс: лучше поступиться жестокостью и оговорить в законе очень мягкие формы наказания (штрафы, выговоры, предупреждения, огласка), но при этом выиграть в эффективности правоприменения. Главное – заставить рядового гражданина поверить, что можно добиться результата законным порядком. Коррупция начинается сверху и заканчивается внизу, в правосознании гражданина. Медленное привыкание к цивилизованному решению государственных дел постепенно дало бы возможность переходить от гетерономии к автономии правового сознания, от правового нигилизма к правовой культуре российского гражданина.

Человеческий фактор коррупции заключается в том, что коррупционер («взяточник») – это человек, и надо понять его психологию избранности, реальной или мнимой элитарности, его своеобразную гордыню и духовную слепоту, его софистическую аргументацию. С другой стороны, управлять в ситуации постоянного страха перед жестокими и немотивированными карами ему нелегко. Хотелось бы верить, что многие здравомыслящие люди в элите в такой ситуации хотели бы «соскочить с коррупционной иглы».

Современное положение дел в российской действительности осложняется тем, что законы наград и кар очевидны, но непосредственно уже неприменимы к российской действительности, поскольку «в транзитивном

российском обществе коррупция выполняет и социально-конструктивную функцию, позволяя экономике в целом и гражданам, в частности, действовать в условиях несовершенного законодательства» [1, с. 10]. Нелегитимность многих форм социальной активности российского гражданина с его особой ментальностью зависимости и неавтономности порождает страх, который заставляет давать «взятки на всякий случай», бизнесменов – планировать «откаты» и т. д. С другой стороны, положение усугубляется тем, что конструируется новая реальность коррумпированного общества, в котором незаконные денежные потоки служат «смазкой» для функционирования «ржавой» государственной машины.

Гетерономные факторы расширения сферы коррупции только кажутся простыми и эффективными в условиях слабости личностного начала и правового нигилизма, который охватывает массы людей и все социокультурные институты. На деле же они обостряют цивилизационный кризис. Положения П. Сорокина должны быть значительно модифицированы в современных условиях. Мы можем применить эти положения к сознанию элиты, в определенной мере сформулировать их в качестве научных рациональных, эмоционально нейтральных положений.

1. Стремительное развитие науки и прогресс техники могут создать иллюзию того, что противодействие коррупции – «дело техники», политической воли, принятия новых законов и т. д. Не отрицая необходимости таких мер, мы полагаем, что усиление бездушной техники в борьбе с коррупцией – это иллюзия, мешающая понять возрастающую роль человеческого фактора в феномене коррупции и в проведении антикоррупционной политики. Гражданское общество начинается с гражданина. В свою очередь, гражданин – это автономная, т. е. самостоятельная, думающая и говорящая личность в отличие от молчащего и выполняющего приказы и команды подданного.

2. Человеческий фактор приобретает особую важность, когда мы рассматриваем элиты разного уровня, особенно ее высшие эшелоны. Подлинная элита отличается от олигархии и плутократии тем, что она имеет положительную значимость для общества и способна выступить против коррупции. Меритократия как власть достойных, является идеалом для цивилизованного общества. Критерием продвижения в элиту должны служить

только заслуги перед народом, а не родственные связи, дружба, преданность руководителю и т. д. При этом, однако, противоречивость элиты состоит в том, что она частично в процессе своей социальной динамики поддается разложению и отходит от ядра лучших и наиболее достойных. Современная политическая элита слабо заинтересована в антикоррупционной политике. Если раньше не было интереса в связи с тем, что не был закончен передел сфер влияния в различных областях общественной жизни, особенно в политике и экономике, то теперь общество и государство оказались в непростой ситуации «вынужденной коррупции» [2; 4], когда надо брать, чтобы отдавать и отдавать, чтобы брать снова. Это похоже на форс-мажор: ураган, наводнение, землетрясение и т. п. Такая ситуация отторгает позитивные персонологические факторы отбора достойных управлять, поскольку все измеряется деньгами, все покупается и продается.

3. Подлинная элита должна опираться на закон наград и кар в проведении антикоррупционной политики. Классические законы наград и кар требуют существенной конкретизации в виде особого позиционирования политических элит с учетом культуры и автономности сознания личности россиян, учета степени разложения морального и правового сознания социальных субъектов и правящей элиты. Разрыв порочного круга коррупции в конструировании российской действительности будет требовать все больших и больших усилий, поскольку разложение затрагивает все большее количество людей и сфер жизни общества. Коррупция вредна тем, что она создает питательную почву для организованной преступности, проникающей в высшие эшелоны власти. Несмотря на единство социального, культурного и антропологического, человеческий фактор в этом процессе конструирования социокультурной реальности, на наш взгляд, играет решающую роль. Утверждая это, мы принимаем серьезное допущение от возможности феноменологической редукции в философско-антропологическом измерении того объективного «факта», что коррупция является лишь индикатором, указателем безличных общественных отношений, становится проявлением взаимосвязи формальных и неформальных компонентов в функционировании социальной системы. Говоря более простым языком, люди породили коррупцию, люди и будут ее искоренять.

4. Культурная элита и элита в области образования и здравоохранения испытывает на себе особые негативные последствия коррупции, поскольку культурные ценности девальвируются, а деньги и материальные ценности становятся единственным критерием достоинства личности. Обнищание интеллигенции привело ее к незаконным или нелегитимизированным способам получения доходов. Честные люди вынуждены уходить из указанных сфер. Особенно сильное развращающее действие оказывает коррупция на несовершеннолетнюю молодежь, вызывая цепную реакцию в случае воспитания продажных педагогов, врачей, циников-юристов, ремесленников в искусстве, продающих «духовность» оптом и в розницу. Казалось бы, больше всего коррупционер вредит себе, поскольку разлагает в себе высшую ценность – личность («продает душу дьяволу»). Однако положение дел становится опасным для всего общества, поскольку формируется аморальная мораль псевдоаристократов (которых характеризует архаика возрождающихся рабовладельцев и феодалов), далеких от народа и социального государства.

5. Политическая элита опирается на властное сознание широких народных масс, поэтому тенденция гетерономии означает высокую степень вероятности ее развращения абсолютной властью и безнаказанностью. При условии трудностей формирования гражданского общества коррупция еще больше затрудняет его формирование, поскольку подрывает главную его основу – личностную автономию. Рыночная личность как автономная личность вырождается в «продажную личность», подверженную правовому нигилизму и нравственной пустоте. Позиционирование элиты в проведении антикоррупционной политики опирается на тенденцию автономности сознания, включающую в себя нравственные и правовые моменты. Здоровое моральное и правовое сознание того или иного политического лидера, который еще может стать выше материального расчета, сегодня маркируется его стремлением вести борьбу с коррупцией для завоевания высшей ценности политики – власти, основанной на доверии народа.

Таким образом, мы подчеркнули необходимость учета субъективной стороны коррупции, отметили роль «человеческого фактора» в понимании слабости антикоррупционной политики в условиях современной России. В философско-антропологическом аспекте такое понимание коррупции существенно

отличается от трактовки коррупции в социальном измерении, которое ориентируется на внешние факторы, например, принятие законов, создание антикоррупционных государственных комитетов или комиссий, технический контроль, безналичный расчет, компьютеры, Интернет и прочее. Не отрицая значимости социальных технологий, стоит все же отметить, что они должны использоваться меритократией, в особенности, в сфере СМИ.

Современное положение дел в российской действительности осложняется тем, что законы наград и кар, открытые великим социологом П.А. Сорокиным, непосредственно уже неприменимы к российской действительности, поскольку общество и государство оказались в непростой ситуации вынужденной коррупции. Эти законы надо преломлять через процесс формирования современной политической элиты. Отметим основную мысль: гетерономия социальных законов не может действовать в ситуации индивидуальной аномии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алакшина И. С. Коррупция как элемент социальной действительности современного российского общества : автореф. ... дис. канд. филос. наук : 09.00.11 / Алакшина Ирина Сергеевна. – Краснодар, 2006. – С. 10.
2. Законопроект о «вынужденной коррупции». Что ждать от инициативы Минюста? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://promdevelop.ru/zakonoproekt-o-vynuzhdennoj-korruptsii-chto-zhdet-ot-initsiativy-minyusta/>.
3. Зотов А. Ф. Жиль Делёз и философский облик постмодерна (от «кризиса объективности» к «кризису субъективности») / А. Ф. Зотов // Современная западная философия. – М. : Проспект, 2012. – С. 520–521.
4. Изменения в законе о коррупции в 2019 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://potreb-prava.com/poleznye-stati/novyj-zakon-o-korruptsii-2019.html>.
5. Малявин В. Конфуций / В. Малявин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dom-knig.com/read_182662-60.
6. Похилько А. Д. Социокультурная автономность сознания: экзистенциально-антропологическое измерение / А. Д. Похилько. – Ростов н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. – С. 66–83.
7. Похилько А. Д. Энциклопедия неабсолютного знания: Деньги как условие коррупции [Электронный ресурс] / А. Д. Похилько. – Режим доступа: https://dom-knig.com/read_182662-60.

8. Пряжников Н. С. S≠\$, или Личность в эпоху продажности / Н. С. Пряжников. – М.–Воронеж, 2000. – С. 15.
9. Репина Ю. А. Эффективность информационных технологий в борьбе с коррупцией в России и за рубежом / Ю. А. Репина // Инновации в науке. – 2018. – № 5 (81). – С. 66–67.
10. Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество / П. А. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – С. 115–134.
11. Статья 9 Заключения № 21(2018) Консультативного совета европейских судей «О предупреждении коррупции среди судей» (ССЈЕ(2018)3) (Принято в г. Загребе 09.11.2018) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2019. – № 1.
12. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/bbbd4641125b222beaf7483e16c594116ed2d9a1/.
13. Фромм Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. – М. : АСТ, 2016. – 317 с.
14. Фромм Э. Человек для себя / Э. Фромм. – Мн. : Коллегиум, 1992. – С. 79.
15. Элиты и будущее России: Взгляд из регионов. Вып. 2 : Материалы международной научно-практической конференции (12–13 октября 2007 г.). – Ростов н/Д., 2007. – С. 157–167.

REFERENCES

1. Alakshina I.S. *Korruptsiya kak element sotsial'noy deystvitel'nosti sovremenno-go rossiyskogo obshchestva* [Corruption as an Element of the Social Reality of Modern Russian Society]: Diss. Abstract. Krasnodar, 2006. P. 10.
2. *Zakonoprojekt o «vynuzhdennoy korruptsii». Chto zhdet' ot initsiativy Minyusta?* [The Bill on "Forced Corruption". What to Expect from the Initiative of the Ministry of Justice?]. Available at: URL: <https://promdevelop.ru/zakonoproekt-o-vynuzhdennoj-korruptsii-chto-zhdet-ot-initsiativy-minyusta/> (In Russian).
3. Zotov A.F. *Zhil' Deloz i filosofskiy oblik postmoderna (ot «krizisa ob"yektivnosti» k «krizisu sub"yektivnosti»). Sovremennaya zapadnaya filosofiya* [Gilles Deleuze and the Philosophical Face of Postmodernism (from the “Crisis of Objectivity” to the “Crisis of Subjectivity”. Modern Western Philosophy)]. Moscow, Prospect, 2012. P. 520-521.
4. *Izmeneniya v zakone o korruptsii v 2019 godu* [Changes to the Corruption Law in 2019]. Available at: URL: <https://potreb-prava.com/poleznye-stati/novyj-zakon-o-korrupcii-2019.html>. (In Russian).
5. Malyavin V. *Konfutsiy* [Confucius]. Available at: URL: https://dom-knig.com/read_182662-60. (In Russian).

6. Pokhilko A.D. *Sotsiokul'turnaya avtonomnost' soznaniya: ekzistentsi-al'no-antropologicheskoye izmereniye* [Sociocultural Autonomy of Consciousness: Existential-anthropological Dimension]. Rostov-on-Don, Publishing House SKNTs VSh, 2006. P. 66-83.
7. Pokhilko A.D. *Entsiklopediya neabsolyutnogo znaniya: Den'gi kak usloviye korruptsii* [Encyclopedia of Absolute Knowledge: Money as a Condition of Corruption]. Available at: URL: https://dom-knig.com/read_182662-60 (accessed 09.09.2019). (In Russian).
8. Pryazhnikov N.S. *S≠\$, ili lichnost' v epokhu prodazhnosti* [S ≠ \$, or a Person in the Age of Corruption]. Moscow-Voronezh, 2000. P. 15.
9. Repina Yu.A. The effectiveness of information technology in the fight against corruption in Russia and abroad. *Innovatsii v nauke = Innovations in science*, 2018, no. 5 (81), p. 66-67. (In Russian).
10. Sorokin P.A. *Chelovek, tsvilizatsiya, obshchestvo* [Man, civilization, society]. Moscow, Politizdat, 1992. P. 115-134.
11. Article 9 of Conclusion no. 21 (2018) of the Advisory Council of European Judges on the Prevention of Corruption among Judges (CCJE (2018) 3) (Adopted in Zagreb 11/09/2018). *Byulleten' Yevropeyskogo suda po pravam cheloveka. Rossiyskoye izdaniye = Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition*, 2019, no. 1. (In Russian).
12. *Federal'nyy zakon ot 25.12.2008 N 273-FZ (red. ot 26.07.2019) "O protivodeystvii korruptsii"* [Federal Law of December 25, 2008 N 273-ФЗ (as amended on July 26, 2019) "On Combating Corruption"]. Available at: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/bbbd4641125b222beaf7483e16c594116ed2d9a1/. (In Russian).
13. Fromm E. *Imet' ili byt'?* [To have or to be?]. Moscow, AST, 2016. 317 p.
14. Fromm E. *Chelovek dlya sebya* [Man for himself]. Minsk, Collegium, 1992. P. 79.
15. Elites and the future of Russia: A look from the regions. *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 12-13 oktjabrja = Materials of the international scientific-practical conference October 12-13*, Rostov-on-Don, 2007, vol. 2, pp. 157-167. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Глечян Э. Р. Социокультурные факторы коррупции в философско-антропологическом измерении / Э. Р. Глечян, А. Д. Похилько // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3. – С. 40–53.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Glechyan E. R., Pokhilko A. D. Sociocultural Factors of Corruption in the Philosophical-Anthropological Dimension / E. R. Glechyan, A. D. Pokhilko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 3, pp. 40–53. (In Russian).

УДК-24-183.4

Похилько Александр Дмитриевич

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир)

Pokhilko Alexander Dmitrirovich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Law and Social and Humanitarian Sciences, Armavir State Pedagogical University (Armavir)

**ИЗМЕРЕНИЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
АВТОНОМНОСТИ СОЗНАНИЯ**

**THE DIMENSIONS OF THE
SOCIOCULTURAL AUTONOMY
OF CONSCIOUSNESS**

Аннотация:

Социокультурная автономия сознания может быть выражена с помощью трех многомерных концептуальных схем социокультурной автономии сознания: аксиологической, семиотической и личностной. Каждая многомерная схема включает в себя реконструированную одномерную модель по принципу соответствия, но не сводится к ней, обогащаясь новыми восстановленными измерениями и модальностями. Многомерные схемы автономии сознания позволяют интерпретировать социокультурную автономию сознания в нескольких измерениях.

Abstract:

The sociocultural autonomy of consciousness can be expressed using three multidimensional conceptual schemes, that is, axiological, semiotic and personal ones. Each multidimensional scheme includes a reconstructed one-dimensional model according to the correspondence principle, but is not reduced to it being enhanced with new reconstructed dimensions and modalities. Multidimensional schemes of autonomy of consciousness allow interpreting sociocultural autonomy of consciousness in several dimensions.

Ключевые слова:

сознание, автономия, общество, культура, личность.

Keywords:

consciousness, autonomy, society, culture, personality.

Актуальность проблемы автономности сознания несомненна: человеческий фактор социально-исторического процесса приобретает решающее значение в информационном обществе. Проблема автономности сознания лежит в русле стратегического направления перехода к новой методологии исследования человека и его духовной культуры в контексте новой социальности информационного общества – методологии, учитывающей множественность измерений и модальностей сознания. При этом необходимо

создать онтологическую разметку полей социального, культурного, индивидуально-личностного исследования человека [5]. Эвристическое сочетание различных измерений и модальностей социокультурной автономии сознания в антропологической перспективе развертывания форм человеческой субъективности показывает авторский вариант решения данного вопроса и выступает в качестве задачи данной статьи.

Основное рабочее определение: социокультурная автономность сознания – это процесс самораскрытия абсолютного момента бытия человека в обособленных относительных социальных формах его духовного опыта, функционирующих на собственных культурных основаниях. Суть разрабатываемой методологии состоит в стремлении к синтезу измерений автономии сознания. Идея системного понимания характера автономности сознания исходит из определенной методологии постановки и решения проблемы сознания. Наиболее сложной и дискуссионной является методология взаимосвязи таких моментов социальности, как личностно-индивидуальное и коллективное (групповое или общественное). Эта методология включает в себя принципы методологического индивидуализма и методологического коллективизма в понимании интегрального субъекта общественного развития. Близким к понятию интегрального субъекта является концепт «общественно-индивидуальный субъект». Социальное в себе противоречиво, поскольку связывает через особенное общее и единичное, причем в этих полярностях оно (социальное) проявляется, раскрывая свою сущность в формах действительности, в своем существовании, в своей действительности. Отсюда и полемика сторонников и противников методологического индивидуализма в понимании субъекта общественной жизни. О.В. Довгань полагает, что расщепление общественного и индивидуального в бытии социального является ненормальным, оно выступает как следствие отчуждения общества от индивида. Она предлагает «определить общественную сущность индивида через общественную связь, как связь не вне или над индивидами, а между ними» [1].

Социологический номинализм исходит из индивидуального субъекта, но в силу неизбежной диалектики, это индивидуальное продуцирует конкретно-общее, образуя связи с другими индивидуальностями. Несомненно,

что социологический реализм, признающий реальность всеобщего, также имеет право на существование. Конкретный общественно-индивидуальный (интегральный) субъект расщепляется на абстракции «общественное» и «индивидуальное». Безусловно, проблема соотношения общественного и индивидуального является очень сложной.

Автономность сознания имеет три измерения: социальное, культурное и индивидуально-личностное. В гносеологическом аспекте эти измерения могут рассматриваться как социологическое, культурологическое и антропологическое. В социальном измерении речь идет об общественном сознании и его относительной самостоятельности. В индивидуально-личностном измерении – это своего рода абсолютная автономия сознания. При этом возникает традиционная нерешенная проблема о том, какова взаимосвязь общественного и индивидуального сознания?

Суть разрабатываемой методологии состоит в стремлении к синтезу измерений автономии сознания, который становится возможным через продуктивный диалог диалектики с антропологией, феноменологией, герменевтикой, семиотикой, социологией познания и сознания [2]. Соответственно становятся методологически релевантными различные концептуальные схемы. Термин «концептуальная схема» подчеркивает процесс динамического синтеза смыслового содержания сознания в социокультурных формах духовного опыта человека. Концептуальная схема автономии сознания – это момент самоорганизации духовного опыта в субъективной реальности индивида, взятый в единстве с моментом социальной организации идеального содержания в пространстве социальной реальности. Концептуальная схема выражает темпоральный момент синтеза общего (рационального) и единичного (волевого и чувственно-эмоционального) в особенном (духовном опыте), она подчеркивает возможность продуктивного методологического диалога диалектики и феноменологии.

Уже одно только подчеркивание принципа диалектического (противоречивого) единства антропологического и социального означает утверждение автономности сознания в отличие от теории относительной самостоятельности общественного сознания, склонной к социоцентризму (момент культурного и индивидуального в сознании незначительно усиливается,

но во многом остается формальным). Тем не менее мы можем сказать методом от противного о том, что автономии сознания действительно не существует в горизонте социальной детерминации общественного сознания с его принципом доминирования и подчинения, с его аксиологической пустотой, с его мудростью о том, что жить в обществе и быть свободным от него нельзя и т. д. Однако уже в этом горизонте анализа общей культуры на материале политической и правовой культуры обнаруживается возможность культурной самодетерминации и обратной детерминации – возможность вскрытия антропологического измерения в культуре, которая реализуется в горизонте ценностей с абсолютной модальностью. Разумеется, такое абсолютное в чистом виде (платонизм) невозможно, и оно разворачивается в относительных социокультурных формах опыта общественно-индивидуального субъекта как субстанции духовной культуры.

Первая многомерная концептуальная схема социокультурной автономности сознания связана с нравственной формой социального духовного опыта. Особенности формы автономии нравственного сознания усматриваются нами в процессе самодетерминации этического в отношении своих объективных оснований. Автономность этического сознания есть «начало» подлинной автономии сознания. Мораль может характеризоваться с точки зрения внутренней детерминации: она – "causasui" духовная субстанция. В этой качественной точке происходит энергичное преобразование этики в культуру. Феноменология морального сознания ориентирует на ценности, которые наполняются индивидуальным смыслом. Нравственный релятивизм опровергается от противного: все, кто признает зло относительным, в той или иной мере оправдывают его и тем самым признают, но не по отношению к себе, а по отношению к другим. Таким образом, мы можем зафиксировать переход к первой многомерной модели автономии сознания, которая дает самую общую теоретическую схему для поиска идеала полной автономии сознания. В нравственной модальности социального бытия человека критерием такой полноты выступает единство абсолютного и относительного моментов.

Вторая синтезирующая концептуальная схема может быть охарактеризована в качестве семиотической, или знаково-символической схемы.

Такая схема выражает духовное бытие человека в форме социальной памяти. Эта схема охватывает религиозную, философскую и научную модальности и их собственными кодами культуры: символическим, синтаксическим и семантико-синтаксическим.

Символический (семантический) код автономии сознания в религиозной ее модальности интерпретируется путем введения оси «имманентное – трансцендентное» в семиотическом измерении и исключения, свертывания модальности относительного и игрового в соответствующих измерениях. Ошибочно отождествлять автономию религиозного сознания с отчуждением, поскольку отчуждение связано с противоположным явлением – гетерономностью сознания субъекта. Автономность же религиозного сознания связана с гуманистической тенденцией религии [7]. Мы предлагаем в качестве определения автономии религиозного сознания следующее. Автономия религиозного сознания – это независимость религиозного сознания от объективных условий жизни общества, обусловленная действием знакового механизма превращенной формы. Религия сохраняет личность в качестве устойчивого текста культуры, способного проходить чудовищные психоэмоциональные перегрузки, выдерживать непомерные страдания и даже смерть [3]. Семантический код религиозного сознания позволяет преобразовывать идеальный план человеческой деятельности, дистанцируясь от невыносимой реальности, преодолевая тем самым страх перед ней.

Автономия – это свободное пространство. Такое пространство философия обретает в своих собственных внутренних условиях собственного бытия. Это пространство невозможно полностью охватить сознанием (особенно если проявлять усилия). Но эти условия, которые Кант назвал трансцендентальными, являются одновременно условиями мысленного эксперимента, фиксируются в особом синтаксисе, уходящем в своем стремлении к обоснованию реальности в бесконечность. Философия имеет самую большую независимость относительно материальной жизни по сравнению с другими формами общественного сознания, даже по сравнению с религией и наукой. Кодирование всеобщего в философском сознании лучше всего может быть осуществлено с помощью синтаксического кода, который абстрагируется от связи знаков и вещей и принимает во внимание только связь

знаков между собой. Такой синтаксис также формирует законы философского языка. Категории как общие формы жизни – основание научного знания мира. Специальный язык философии – главное предварительное условие автономии профессиональной философии. Но желательно подчеркнуть, что существует, по нашему мнению, и демократическая интенция философского сознания. Демократия, также как и философия, является открытым кодом. Философия не существует без истории философии, в отделении от собственной традиции. Этот факт также может быть интерпретирован как аргумент, подтверждающий значимость синтаксического кода для выявления сути автономии философского сознания.

Наука возникает как путь объяснения мира из него самого. Полная объективность – идеал классического знания естествознания. В этой связи тенденция отрицания (или установка на самоотрицание) субъекта познания выступает категорическим императивом классической науки. Но квантовая механика, символ неклассической науки, показала, что субъект-наблюдатель существует, ибо он влияет на сами результаты (а не только процесс) познания. Наука становится сознанием опосредствованно, через мировоззрение, набор методологических принципов, к которым следуют в теории. В идее собственных внутренних оснований науки (научная картина мира, идеалы и нормы науки) заключена возможность научного сознания и соответственно – субъекта научного познания.

Третья многомерная схема автономии сознания требует зафиксировать переход к личностной автономии сознания с помощью асемантическо-асинтаксического кода. Следует раскрыть специфику личностной автономии и обосновать необходимость введения понятия «релевантность индивидуального сознания», чтобы применить его для исследования личностного саморазвития. Идея личностной автономии исследуется Э.Ю. Майковой в контексте обособления личностного от социального [4]. В данном же контексте можно проследить единство и включенность личностного в социальное и социального в личностное. Это достигается за счет культурного измерения. Как становится возможным исследование автономии индивидуального (личностного) сознания? Ключом к анализу автономии индивидуального сознания, на наш взгляд, является асемантическо-асинтаксический код

культуры. Именно он позволяет перейти от общественного сознания к сознанию индивидуальному, от общего не только к особенному, но и к единичному (индивидуальному). Сама логика требует уделить больше внимания этому коду и в полной мере оценить его значение для исследования проблемы автономии сознания. Подчеркнем, что это исследование является философским [5].

Понятие индивидуальности имеет социальный характер и отражает целостность и автономность психических процессов. Главным же интегратором свойств и отношений индивидуальности служит сознание. Рассмотрение градаций кодирования социальной информации в высших формах духовной автономии закономерно приводит к проблеме действия асемантического-асинтаксического кода, который снимает отчужденность духовных макроцелостностей («форм общественного сознания») с их идеологическим содержанием, противостоянием отдельному индивиду, позволяет усваивать их содержание личностью в виде мозаичных выборок социальной информации. Асемантически-асинтаксический код культуры имеет не только негативные, разрушительные последствия для культуры, но и показывает возможность трансформации виртуального общественного субъекта познания и сознания в реального эмпирического субъекта, имеющего индивидуальную природу, позволяет создать картину преобразования общественной духовной культуры в индивидуальные информационные тезаурусы. «Общественное сознание» вынуждено прийти к самодеконструкции, встречаясь с индивидуальным сознанием. Индивидуальные и уникальные чувства сжаты в общественных ценностях (семантических универсалиях), но индивидуальное сознание сущностно социально. Оно не только является плохой выборкой из совокупной памяти общественной культуры, но и интегратором личностного бытия, источником и генератором ценностей. В этом контексте приобретают значение понятия диалога и встречи. Встреча рассматривается нами как фундаментальная форма живой социальности, подлинное основание автономии сознания индивида. В это основание уходит вопрос о соотношении и взаимосвязи «общественного» и «индивидуального» сознания. Идею релевантности (автономии) сознания можно трактовать как экспликацию момента «самостоятельной относительности» (независимости и творческой активности) сознания в отличие от классической

редукции автономии сознания к относительной самостоятельности (зависимости) сознания. Предлагается следующие авторские концептуальные моменты. Автономия сознания трактуется в качестве релевантности сознания. В онтологическом отношении это означает преобладание внутреннего над внешним, доминирование независимости над зависимостью. Такая релевантность выступает дополнением и полярной противоположностью относительной независимости и абсолютной зависимости образования от собственных внутренних «континентов» из своих ближайших условий, оснований, снимающих процессы внешней детерминации во внутренних процессах самодетерминации.

Таким образом, социокультурная автономия сознания может быть выражена с помощью трех многомерных концептуальных схем социокультурной автономии сознания: аксиологической, семиотической и личностной. Каждая многомерная схема включает в себя реконструированную одномерную модель по принципу соответствия, но не сводится к ней, обогащаясь новыми восстановленными измерениями и модальностями. Многомерные схемы автономии сознания позволяют интерпретировать социокультурную автономию сознания в нескольких измерениях, самым глубинным из которых является экзистенциально-антропологическое измерение, выражающее свободу человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Довгань О. В. Формы бытия: индивидуальное и общественное / О. В. Довгань // Омский научный вестник. – 2009. – № 5 (81). – С. 92–94.
2. Ежевская Т. И. Автономность как личностный ресурс информационно-психологической безопасности / Т. И. Ежевская // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. – 2011. – № 5 (40). – С. 132–136.
3. Заевский Д. А. Автономия религиозного сознания: теория, методология, практика : монография / Д. А. Заевский, А. Д. Похилько. – Армавир, 2004. – 175 с.
4. Майкова Э. Ю. Социально-философская концепция автономии личности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Майкова Элеонора Юрьевна. – М., 2015. – 43 с.
5. Миронов А. В. Формирование философской традиции автономности личности / А. В. Миронов // Вестник Омского университета. – 2019. – Т. 24. – № 2. – С. 114–120.

6. Похилько А. Д. Социокультурная автономность сознания: философско-антропологическое измерение : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.13 / Похилько Александр Дмитриевич. – Ставрополь, 2007. – 42 с.

7. Фромм Э. Искусство любить / Э. Фромм. – М. : Ин-т филос. АН СССР, 1991. – С. 89–90, 107.

REFERENCES

1. Dovgan O.V. Forms of being: individual and social. *Omskiy Nauchnyy Vestnik = Omsk Scientific Bulletin*, 2009, no. 5 (81), pp. 92-94. (In Russian).

2. Ezhevskaya T.I. Autonomy as a personal resource of information and psychological security. *Uchenyye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogogumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N.G. Chernyshevskogo = Scientific Papers of the TransBaikal State Humanitarian and Pedagogical University named after N.G. Chernyshevsky*, 2011, no. 5 (40), pp. 132-136. (In Russian).

3. Zaevsky D.A. *Avtonomiya religioznogo soznaniya: teoriya, metodologiya, praktika*. [The autonomy of religious consciousness: theory, methodology, practice: monograph. Armavir, 2004. 175 p.

4. Maykova E.Yu. *Sotsial'no-filosofskaya kontseptsiya avtonomi I lichnosti* [The socio-philosophical concept of personal autonomy]. Diss. Abstract. Moscow, 2015. 43 p.

5. Mironov A.V. The formation of the philosophical tradition of personality autonomy *Vestnik Omskogo universiteta = Bulletin of Omsk University*, 2019, vol. 24, no. 2, pp. 114-120. (In Russian).

6. Pokhilko A.D. *Sotsiokul'turnaya avtonomnost' soznaniya: filosofsko-antropologicheskoye izmereniye* [The sociocultural autonomy of consciousness: the philosophical-anthropological dimension]. Stavropol, 2007. 42 p.

7. Fromm E. *Iskusstvo lyubit'* [The Art of Loving]. Moscow, The Institute of Philosophy, USSR Academy of Sciences. 1991. Pp. 89-90, 107.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Похилько А. Д. Измерения социокультурной автономности сознания / А. Д. Похилько // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3. – С. 54–62.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Pokhilko A. D. The Dimensions of the Sociocultural Autonomy of Consciousness / A. D. Pohilko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 3, pp. 54–62. (In Russian).

УДК-172.15

Шестаков Юрий Александрович

кандидат исторических наук,
доцент кафедры социально-
гуманитарных дисциплин
Института сферы обслуживания
и предпринимательства (филиала)
Донского государственного
технического университета в городе
Шахты Ростовской области (г. Шахты)

Руденко Андрей Михайлович

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой социально-
гуманитарных дисциплин Института
сферы обслуживания и
предпринимательства (филиала)
Донского государственного
технического университета
в городе Шахты (г. Шахты)

**ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
КАК ФАКТОРА КУЛЬТУРЫ
НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

Аннотация:

В статье отстаивается идея о том, что необходимость культурфилософской концептуализации ценностных оснований исторического сознания как фактора формирования культуры национальной безопасности обусловлена возрастанием масштаба геополитических угроз, увеличением неопределенности жизнеосуществления человека в современном мире, а также полицентричностью смысложизненных ориентиров личности. Ценностная солидарность,

Shestakov Yuri Alexandrovich

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the
Department of Social and
Humanitarian Disciplines,
the Institute of Services Industry
and Business (branch), Don State
Technical University in Shakhty
(Shakhty)

Rudenko Andrey Mikhaylovich

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor, Head of the Department
of Social and Humanitarian
Disciplines, the Institute of
Services Industry and Business
(branch), Don State Technical
University in Shakhty (Shakhty)

**THE VALUE BASES OF
HISTORICAL CONSCIOUSNESS
AS A FACTOR OF THE
CULTURE OF THE NATIONAL
SECURITY OF RUSSIA**

Abstract:

The need to conceptualize cultural philosophical value bases of historical consciousness as a factor of culture of the national security of Russia due to the growing scale of geopolitical threats, increasing uncertainty of life in the modern world and polycentric meaningful orientations of a person is justified in the article. Value solidarity, which is a core of the national security culture, is achievable through the creation and preservation of the most important cultural capital and, at the same time, through strategic cultural

являющаяся ядром культуры национальной безопасности, достижима посредством создания и сохранения важнейшего культурного капитала и в то же время стратегического культурного ресурса в виде объединяющей патриотической идеологии, которая может функционировать как идеология национальной безопасности. Такая идеология должна быть выработана на основе сохранения исторической памяти как основы для упрочения патриотизма и государственности в качестве базовых ценностей. Следовательно, культура национальной безопасности России и идеология, являющаяся одним из основных ее элементов, должна, опираясь на историческое сознание, базироваться на мировоззренческом и ценностном консенсусе российского общества, обеспечивающем неразрывную связь по линии «прошлое-настоящее-будущее» как основу смысла существования российской цивилизации, синтезирующего сохранение социокультурной самоидентификации, механизма саморазвития и его перспектив.

Ключевые слова:

историческое сознание, культура национальной безопасности, патриотизм, смысл.

resources in the form of unifying patriotic ideology that can function as ideology of national security. Such ideology should be developed taking into account the preservation of historical memory as a foundation for strengthening patriotism and statehood as key values. Hence, the culture of the national security of Russia and ideology, which is one of its main elements, should be based on historical consciousness and on ideological and value consensus in Russian society. Such consensus ensures a connection through a "past-present-future" line as a basis for the meaning of existence of the Russian civilization, synthesizing the preservation of socio-cultural identity and the mechanism of self-development and its prospects.

Keywords:

historical consciousness, culture of national security, patriotism, sense.

Современная социокультурная реальность Российской Федерации сопряжена с ростом социальных страхов человека [7], увеличением опасностей и рисков осуществления повседневной жизнедеятельности [6], что приводит к внедрению на государственно-правовом уровне различных (в том числе инновационных) механизмов реализации и преодоления свободы человека [2].

Однако в условиях XXI века формулирование и преодоление угроз национальной безопасности немислимо без осознания обществом его аксиологической специфичности. Это требует формирования адекватной реалиям глобализации культуры национальной безопасности, что немислимо без ценностного единения общности вокруг своего культурно-исторического ядра, определяющего национальную идентичность. Достичь этого, в свою очередь, невозможно без консенсуса по поводу познания и оценки своего прошлого, то есть без формирования единого целостного патриотического исторического сознания. Методология этого процесса, раскрывающая стратегические пути и средства реализации, по-видимому, еще не выработана современной культурфилософской мыслью, а потому представляет значительный интерес.

Исходя из экспликации феномена культуры национальной безопасности в качестве культурно-специфической формы ограждения от опасностей, сохранения и развития трансисторического ценностно-смыслового ядра цивилизации, оформленной в качестве национально-государственной общности, в неразрывной связи существования и развития интересов личности, общества, государства в контексте универсальных ценностей [4, с. 6], нам представляется необходимым достижение ценностной солидарности, единства и мобилизации воли всех субъектов национальной безопасности. Такая ценностная солидарность достижима посредством создания и сохранения важнейшего культурного капитала и в то же время стратегического культурного ресурса в виде объединяющей патриотической идеологии, которая может функционировать как идеология национальной безопасности. Очевидно, что такая идеология должна быть выработана на основе сохранения исторической памяти как основы для упрочения патриотизма и государственности в качестве базовых ценностей.

Однако патриотические настроения не образуются в обществе сами по себе. Необходимость организации усилий по формированию патриотических настроений и, прежде всего, в среде тех, на кого Россия возлагает свои надежды, – молодежи – крайне актуальная задача на сегодняшний день именно потому, что ситуация не видится в розовом свете. В 1990-х гг. произошла ценностная дезориентация постсоветского общества, которая привела к духовному кризису современного общества. На уровне индивидуального

сознания стали культивироваться ценности эгоизма (ориентации на получение личной выгоды в процессе общения и взаимодействия с другими людьми) и гедонизма (ориентация на получение физиолого-психологического наслаждения) на основании восприятия западной кинопродукции и западного стиля жизни [3, с. 310]. Но печальнее всего то, что очевидным становится наличие в молодежной среде проявление внеконтекстного восприятия значимых для формирования национального самосознания исторических событий и эмоциональных перверсий по отношению к ним (типа насмешек). Причина этих явлений как раз и коренится, по-видимому, в эгоцентрическом характере современной личности, демонстрирующем низкую степень социального консенсуса, угрожающего социокультурному пространству обеспечения национальной безопасности.

Ценностный консенсус в транзитивных обществах, к которым относится и Россия, осложняется наличием двух ценностных парадигм, объединяющих людей разного экономического, социального и возрастного статуса: традиционной и модернизационной. В рамках традиционной ценностной парадигмы историческая традиция выступает в качестве непререкаемого авторитета, в рамках модернизационной – в качестве трамплина для осуществления разнообразных инноваций. Исследователями, кроме того, отмечается, что в дело культурного противостояния вмешиваются и постмодернистские культурные ориентации гедонизма и консюмеризма, противоречащие ценностям двух других аксиологических парадигм. Поэтому не всегда ясным является источник проблем отечественного сообщества, которое по своей аксиологической природе является традиционным, индустриальным и постиндустриальным.

Данный ценностный раскол порождает острую необходимость поиска базы для достижения социокультурного единства нации, которое невозможно без объединяющей общество идеи, которая позволит преодолеть социокультурное противостояние, межнациональную напряженность и ряд противоречий идеологического характера. Если мы примем во внимание то обстоятельство, что национальная безопасность тесно связана с международной, ибо ответ на вызовы глобальных проблем современности также невозможен без компромисса (поскольку с опасностями современного мира самостоятельно не может справиться ни одно государство или организация),

то необходимость достижения консенсуса как фактора обеспечения национальной безопасности становится универсальной, глобальной.

Любой социальный организм существует за счет своих ресурсов, удовлетворяющих его потребности, которые представляют собой ответ на вопросы о своей сущности, причинах ее появления и формах ее осуществления в будущем. Степень адекватности ответа на эти вопросы будет отражать уровень национальной и гражданской идентификации, степень интегрированности социума, развития в нем солидарности, гражданственности и патриотизма. Из этого следует, что культура безопасности требует ориентации на историческую коммуникацию по линии «прошлое-настоящее-будущее», т. е. она должна носить интегрирующий характер.

Достижения данного условия становится возможным на основе ценностного выбора исторических оснований культуры национальной безопасности в следующих направлениях:

1) между историей как средством предсказания возможностей и эксплицирования опасностей;

2) между историей вероятного и желательного, должного и сущего;

3) между историческим обоснованием достижения в процессе темпорального движения человечества морально-культурных или технико-экономических, функционалистских благ;

4) между историей как средством обеспечения культурной стабильности и трансформацией культурных ценностей в процессе развития общества с целью повышения адаптивного потенциала национально-государственной общности;

5) между историей как возможностью обосновать индивидуалистические, либо корпоративно-национальные, либо, наконец, универсалистские ценности.

В конечном итоге все эти вопросы сводятся к одному: должна ли история реализовывать ценности определенной национально-государственной социокультурной матрицы, наращивая ее кумулятивный потенциал путем укрепления связи по линии «настоящее-прошлое-будущее», либо пренебречь этой кумуляцией в пользу высшей, глобальной, общечеловеческой ценности – свободы, реализующейся в многовариантности, альтернативности исторического

развития, возможности и необходимости исторического выбора и справедливости, воплощающейся в возможности и необходимости взаимных уступок и компромисса. В итоге анализа факторов, определяющих культуру безопасности исторический субъект, так или иначе оказывается перед выбором между риском разрушительных исторических преобразований или риском тлетворного застоя.

Идеальным разрешением данной дихотомии в ситуации, когда западный либеральный универсализм и глобализм исповедует технолого-экономические и функционалистские ценности, которые могут привести к гибели и деградации человечества является необходимость обращения к универсальным ценностным основаниям истории различных культур. Это продемонстрирует возможность и желательность торжества общечеловеческих ценностей, вкупе с ценностями национально-государственными, корпоративными и личными. Причем эти ценности будут играть роль и ценностей-инструментов, и ценностей-целей. Это в свою очередь закономерно приводит к идее равноправия национально-государственных культур и цивилизаций. Такие принципы, как плюрализм, консенсус, диалог создают основу для взаимодействия культур, способствуют продвижению ценностей, появившихся в результате перехода человечества на новую модернизационную стадию развития. При этом необходимость и важность конкурентного соперничества за счет проявления национально-государственного и цивилизационного творчества на основе взаимного обогащения самобытных культур становится ключевым условием прогрессивно-поступательного развития человечества.

В этой ситуации базой для формирования патриотических настроений может и должно являться историческое сознание, построенное на уважении и признании значимости за определенными, спланированными нацию, феноменами отечественной истории, воплощающими и универсалистские и национально-государственные ценности. Патриотизм связан с исторической памятью, прежде всего в форме оценок прошлого. Истоки шизофренического, фрагментаризированного исторического сознания, воспринимающего историю Отечества в виде островков «общечеловеческого» добра в море национально-государственного зла, ошибок и случайностей – в забвении духовных

и коллективистских ценностей, имеющих несомненный приоритет над ценностями материальными и индивидуальными. Одной из главных духовных и коллективистских ценностей, обеспечивающих обретение смысла, а следовательно, выживание и развитие национально-государственного сообщества, как раз и является патриотизм.

Забвение или переоценка значимых для гражданского общества событий будет содействовать крушению гражданского самосознания нации вследствие так называемой «культурной травмы» [5, с. 6] и наоборот, освоение исторического опыта личностью, обществом и национально-государственной общностью – укреплению этого самосознания. Наиболее богатным материалом такого освоения является история наших Побед как наиболее интенсивного проявления патриотизма. Среди исторических событий подобного рода центральное место занимает без сомнения Великая Отечественная война. Очевидно, что повседневная жизнь всего советского народа в течение четырех лет была великим свершением во имя счастья и благополучия всех последующих поколений [1, с. 6].

Воспитание патриотизма предполагает уяснение того, что является благом для Отечества и того как его достичь. В этом плане история Великой Отечественной войны так же представляет богатый материал для формирования патриотического настроения российского общества. Прежде всего необходимо отметить, что Война позволяет найти смысл служения Отечеству. Война – состояние коллективного производства жизненно необходимых ценностей, поскольку велась во имя бесспорных для всех высших смыслов: свободы, независимости, достойной жизни будущих поколений. Ведение освободительной Войны и Победа в ней с этой точки зрения представляет собой антитезу бесцельного и безвольного существования, а потому должна способствовать повышению чувства собственного достоинства, уверенности в правоте как отдельных личностей, групп населения, так и национально-государственного сообщества. Война, давшая высший смысл существования, поэтому являет собой необходимый элемент самоидентификации и самоуважения политической нации, этносов, социальных групп и индивидов ее формирующих. Кроме того, образы поступков, имевших место в ходе экстремальной ситуации, дают возможность для осознания

обществом тех особенностей ментальности россиян, которые послужили основой для массового героизма.

Война стала проявлением активности общества, демонстрируя его сплоченность и вытекающую из этого эффективность, которая и представляла ценность для времени нынешнего и будущего. Эти параметры предполагают обретение нацией общего смысла существования, формой выражения которого является смысложизненная интенциональность личности, воплощающая национальный смысл, национальную идею, обретение такого смысла. Доказательством того, что общество готово к этому социология представляет предостаточно. Так, самым значимым событием прошлого по данным соцопросов является победа в Великой Отечественной войне. Большинство молодых людей не только признает ее значимость, но и считает ее величайшей Победой для нашей Родины.

Возможность достижения ценностного консенсуса здесь очевидна. Во-первых, потому, что война затрагивает каждую семью, воплощая личные и семейные ценности. Во-вторых, потому, что она сформировала символику, выступающую в качестве матрицы национально-государственной идентификации граждан России как правопреемницы победившего СССР, воплощая ценности национально-государственного сообщества. В-третьих, потому, что исход войны predetermined дальнейшие судьбы всего человечества, способствуя утверждению общечеловеческих ценностей.

На основе такого сопряжения личностного смысла с национально-государственным и общечеловеческим, используя нелинейную парадигму исторического сознания, возможно идейно обосновать переход к формированию образа желаемого будущего на основе формирования исторической памяти, а затем, в свою очередь – к формированию социально-психологической готовности граждан включаться в социально значимые действия по его построению.

Вышеизложенное позволяет заключить, что культура национальной безопасности России и идеология, являющаяся одним из основных ее элементов, должна, опираясь на релевантное историческое сознание, базироваться на мировоззренческом и ценностном консенсусе российского общества, обеспечивающем неразрывную связь по линии «прошлое-настоящее-будущее» как основу смысла существования российской цивилизации, синтезирующего сохранение социокультурной самоидентификации, механизма саморазвития

и его перспектив. Представляется, что память о Великой Отечественной войне, составляя основу национального духа, гордости за страну, общности и сплоченности, является наиболее оптимальной теоретико-практической основой упрочения такой преемственности поколений. Она может и должна стать основой для формирования общего национального исторического сознания как восстановления прочной связи по линии «прошлое-настоящее-будущее», формируя здоровое, нефрагментированное, нешизофреническое историческое сознание. Только благодаря такому историческому сознанию общество может устоять в условиях смены фундаментальных парадигм развития России и современных кризисных явлений, охватывающих мировое сообщество в целом. Осознание национальной истории как истории Побед будет являться надежным средством обеспечения ценностного консенсуса российского общества на основе придания смысла настоящему бытию личности и восстановления ее оптимистических прогнозов на будущее.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антюшин С. С. Отношение современного общества к Великой Отечественной войне как показатель его социального здоровья / С. Антюшин // Безопасность Евразии. – 2010. – № 1 (39). – С. 36–43.
2. Волохова Е. В. Философия свободы человека в современной культуре : монография / Е. В. Волохова, Е. Е. Несмеянов, А. М. Руденко ; под общ. ред. А. М. Руденко ; Донской государственный технический университет. – Новочеркасск : Лик, 2019. – 272 с.
3. Руденко А. М. Философия в схемах и таблицах : учебное пособие / А. М. Руденко. – 4-е изд. – Ростов н/Д. : Феникс, 2019. – 382 с.
4. Шестаков Ю. А. Экспликация исторического сознания в контексте формирования культуры национальной безопасности России / Ю. А. Шестаков // Научный альманах стран Причерноморья. – 2017. – № 4. – С. 1–6.
5. Штомпка П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6–17.
6. Administrative and public risks of the institute of city management, according to experts of the republic of Adygea / V. V. Kovalev, A. V. Dyatlov, A. M. Rudenko, A. A. Semenov, A. B. Ponamarev, S. I. Samygin // Dilemas contemporáneos: Educación, Política y Valores. – 2019. – Т. 6. – Special Edition. – № 142. – P. 1–15.
7. Rudenko A.M. Social fears in the context of security concern: social and philosophical analysis / A.M. Rudenko, V.I. Rodionova V.N. Stepanova // Advances in Intelligent Systems and Computing. – 2019. – Т. 726. – С. 1144 – 1155

REFERENCES

1. Antyushin S.S. The attitude of modern society to the Great Patriotic War as an indicator of its social health. *Bezopasnost' Evrazii = The Security of Eurasia*, 2010, no. 1, pp. 36-43. (In Russian).
2. Volokhova E. V., Nesmeyanov E. E., Rudenko A. M. *Filosofija svobody cheloveka v sovremennoj kul'ture: monografija* [Philosophy of Human Freedom in Modern Culture: Monograph]. Novocherkassk, Lik, 2019. 272 p.
3. Rudenko A. M. *Filosofija v shemah i tablicah: uchebnoe posobie* [Philosophy in Diagrams and Tables: Textbook]. Rostov-on-don, Phoenix, 2019. 382 p.
4. Shestakov Yu.A. The explication of historical consciousness in the context of the formation of the national security culture of Russia. *Nauchnyj Al'manah Stran Prichernomor'ya = Scientific Almanac of the Black Sea Region Countries*, 2017, no. 4, pp. 1-6. (In Russian).
5. Shtompka P. A social change as trauma. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*, 2001, no. 1, pp. 6-17. (In Russian).
6. Kovalev V.V., Dyatlov A.V., Rudenko A.M., Semenov A.A., Ponamarev A.B., Samygin S.I. Administrative and public risks of the institute of city management, according to experts of the republic of Adygea. *Dilemas contemporáneos: Educación, Política y Valores*, 2019, vol. 6, no. 142, pp. 1-15.
7. Rudenko A.M., Rodionova V.I., Stepanova V.N. Social fears in the context of security concern: a social and philosophical analysis. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 2019, vol. 726, pp. 1144-1155.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Шестаков Ю. А. Ценностные основания исторического сознания как фактора культуры национальной безопасности России / Ю. А. Шестаков, А. М. Руденко // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3. – С. 63–72.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Shestakov Yu. A., Rudenko A. M. The Value Bases of Historical Consciousness as a Factor of the Culture of the National Security of Russia / Yu. A. Shestakov, A. M. Rudenko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 3, pp. 63–72. (In Russian).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

УДК-902.21

Грицких Игорь Владимирович

кандидат исторических наук, доцент
кафедры социальных и гуманитарных
дисциплин Образовательного частного
учреждения «Армавирский социально-
психологический институт»
(г. Армавир)

Gritskikh Igor Vladimirovich

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the
Department of Social and
Humanitarian Disciplines, Armavir
Social Psychological Institute
(Armavir)

Розыев Сергей Валерьевич

магистрант ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет» (г. Армавир)

Roziyev Sergey Valeryevich

Master's student, Armavir State
Pedagogical University (Armavir)

**АЦАНГУАРЫ
В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ
ЗАПАДНОГО КАВКАЗА**

**ATSANGUARS (LOW STONE
FENCES) IN THE
ARCHAEOLOGICAL
RESEARCHES OF THE WESTERN
CAUCASUS**

Аннотация:

*В статье представлены некоторые
результаты текущих исследований
Центра археологических исследований
Армавирского государственного
педагогического университета.
В 2018 году сотрудники ЦАИ
проводили исследование группы
ацангуаров «Черная пирамида-8»
(7 объектов в 1,68-1,9 км к востоку-
юго-востоку (азимут
от 111 до 114) от пика вершины
Чёрная Пирамида на хребте Аибга).
Предварительные результаты
исследования представляют интерес
для всех, кто занимается изучением
древностей Западного Кавказа.*

Abstract:

*The article presents some results
of the current research conducted
by the Center for Archaeological
Research of Armavir State
Pedagogical University (CAR ASPU).
In 2018, CAR ASPU staff studied
an atsanguar set "The Black
Pyramid-8" (7 sites 1.68-1.9 km
to the East-Southeast (azimuth
111-114) from the Black Pyramid
peak on the Aibga ridge). The
preliminary results of the study
are interesting to all who study
the antiquities of the Western
Caucasus.*

Ключевые слова:

археологические исследования, ацангуары, Западный Кавказ, Абхазия, охрана культурного наследия.

Keywords:

archaeological research, atsanguars, Western Caucasus, Abkhazia, protection of cultural heritage.

Сотрудники Центра археологических исследований Армавирского государственного педагогического университета в последнее десятилетие продолжают работу по выявлению ранее неучтенных памятников археологии, а также по обеспечению сохранности объектов, поставленных на государственную охрану. В рамках различных проектов было документировано свыше 400 памятников в Успенском, Новокубанском, Лабинском районах, в г. Армавир, а также на территории других муниципальных образований Краснодарского края. В 2018 году в поле зрения специалистов ЦАИ АГПУ попала группа ацангуаров, условно включающая 7 объектов, под названием «Черная пирамида-8», расположен в 1,68-1,9 км к востоку-юго-востоку (азимут от 111 до 114) от пика вершины Чёрная Пирамида на хребте Аибга, в 961 м к западу от здания канатных дорог № 6 (азимут 272,9°, привязка к северо-восточному углу). Данный памятник относится к категории объектов археологии, относительно редко попадающих в поле зрения исследователей, в связи с чем и привлекает особое внимание.

Горные районы Сочи богаты памятниками такого рода, о чем свидетельствует история изучения древностей Северного Кавказа. Еще Николай Михайлович Альбов (1866-1897), исходивший вдоль и поперёк горы Западного Кавказа, первым в 1893 году поднявший вопрос об ацангуарах, и отмечал, что они распространены «почти во всех горах Абхазии» и служили в древности пастушескими оградами [1].

Михаил Михайлович Иващенко (1881-1946), собравший сведения о 17 ацангуарах, трактовал их как культовые объекты (кромлехи), включив их в число «архаических» (доантичных) памятников [2, с. 79–83]. Данные о 20 ацангуарах привел Николай Иванович Квезерели-Копадзе (российский инженер-мостовик на государственной службе), по мнению которого эти памятники представляли собой снегозащитные дорожные сооружения античной эпохи [3, с. 61–62].

Царбей Николаевич Бжания (1925-1964), располагавший данными о 30 ацангуарах, определил их как жилища и хозяйственные постройки пастухов и ограды для скота, которые возводило в раннее средневековье «абхазское население горных ущелий» [4, с. 127]. Аналогично рассматривает ацангуары Вианор Панджович Пачулиа (1929-1988) [5, с. 127].

Шалва Денисович Инал-ипа (1916-1995), собравший данные о 96 ацангуарах (включая и известные ранее), присоединяется к этому мнению, но дату их определял более широко – от конца III тыс. до н. э. до «зрелого средневековья» [6, с. 57–158].

Наиболее крупным исследователем данного типа памятников является Юрий Николаевич Воронов (1941-1995), российский и абхазский историк, археолог-кавказовед.

С 1962 года до середины 90-х годов XX века им были изучены свыше 400 ацангуарных комплексов, из которых свыше двух десятков прошурфовано и частично раскопано [7, с. 203]. Автор фокусировал внимание, прежде всего, на исследования высокогорных районов Абхазии и прилегающего к ней с запада Сочинского района.

Весь материал, полученный из ацангуар Абхазии и прилегающего Сочинского района (в субальпике Западного Кавказа от верховьев Мзымты до верховьев Ингура), Ю.Н. Воронов датирует в рамках VI-X вв., т. е. ранним средневековьем. Такой вывод опирается на изучение массового керамического материала [8, с. 37]. Показательны в этом отношении исследования по линии ущелье Большой Лабы – Лабинский перевал – Бзыбрь – перевал Химса – ущелье Восточной Гумисты, вдоль которой зафиксировано большое число ацангуар, заходящих на Северный Кавказ в ущелье Лабы на 5 километров [9, с. 15].

В 1968-1971 гг. ацангуары альпийских лугов хребтов Ачишхо и Псеашхо обследовались краснополянскими краеведами Л.Н. Кольценко и Л.Л. Ситниковым [9, с. 15].

В 1997 г. группа краеведов Сочинского отделения Русского географического общества в составе В.Л. Ксенофонтова и А.С. Солодько обследовала ацангуары северного склона хр. Аибга. Остатки подобных сооружений встречаются на склоне хр. Аибга также и западнее упомянутых – в верховьях

ручьев Ржаной и Медвежий, в районе г. Каменный Столб (2 509 м). Ацангуары хребта Аибга вошли в «Перечень памятников истории и культуры между-речья Хосты и Псоу Сочинского Причерноморья» как «Ацангуары на северном склоне хребта Аибга в верховьях ручьев Медвежий, Ржаной, Сулимовский, Кольценко» [9, с. 15].

В 2015 году Северо-Кавказской археологической экспедицией ИА РАН в рамках выполнения археологических разведок в зоне проектирования объекта «Горнолыжный курорт "Роза Хутор"» (Открытый лист № 1621 от 29.09.2015 г., выданный МК РФ на имя научного сотрудника ИА РАН к.и.н. А.А. Клещенко), был выявлен исследуемый нами памятник «Черная пирамида-8». Шурфовочные работы на памятнике сотрудниками ИА РАН не проводились.

В 2016 г. при проведении сплошной археологической разведки в зоне строительства объекта «Горноклиматический курорт «Альпика-Сервис», в том числе объекты олимпийской инфраструктуры, канатная дорога «Аибга-2» сотрудниками ООО «Кубаньохранкультура» под руководством М.Ю. Федосова (Открытый лист МК РФ № 859 от 24.06.2016 г.) было проведено визуальное обследование памятника, шурфовка. Всего на памятнике было заложено 5 шурфов общей площадью 20 м², в шурфах на объектах 1 и 3 была найдена керамика предположительно раннего железного века. По итогам работ был подготовлен «Раздел «Охрана историко-культурного наследия» в составе проектной документации в рамках строительства вышеуказанного объекта по договору № 08/2016 от 11.05.2016 г., а также составлена учетная карта объекта, представляющего собой историко-культурную ценность – Группа ацангуаров «Черная пирамида 8» от 10.10.2016 г. [10].

В 2018 г. ЦАИ АГПУ провели исчерпывающее исследование данного памятника

* * *

Краткие итоги проведенных исследований позволяют составить предварительное впечатление о характере памятников такого типа. Исследователи сходятся во мнениях, что основные группы ацангуар расположены на перевальных путях и в верховьях рек вблизи осыпей, морских отложений и т. д. Основой каждого ацангуарного комплекса является жилое сооружение –

«дом пастуха», представляющий прямоугольное помещение с полезной площадью от 8 до 20-25 кв. м, со стенами толщиной до 1,5-2 м и высотой (теперь) до 1,2-1,4 м и узким (0,4-0,6 м) входом. «Дом пастуха» может стоять одиноко, однако чаще его сопровождают различные служебные постройки и загоны, часто охватывающие значительную площадь (до 1500-2000 кв. м). В отдельных случаях ацангуары образуют целые поселки («города карликов» по народной терминологии), включающие 15-20 и более жилых помещений, соединенных густой сетью. При постройке жилых помещений применялась панцирная кладка насухо с забутовкой из мелкого камня, стены возведены без фундаментов. Ограды же сложены из крупных обломков скал в один ряд, что действительно придает им кромлеховидный облик. Раскопки ацангуар позволили всюду установить единую стратиграфию: а) дерн с редкими обломками керамики (0,1-0,2 м); б) основной культурный слой с остатками костров и фрагментов керамики, костей и редких изделий из камня и железа; в) материк. Среди керамических изделий основное место (более 70 %) занимают фрагменты лепных корчаг и горшков из темно-коричневой глины с обильной примесью толченого известняка и других элементов, выгоравших при обжиге [7, с. 203].

Данный тип памятников археологии сравнительно редко встречается на страницах научной периодики, и в то же время, привлекает внимание не только ученых, но и как объекты туризма, учебно-практической деятельности учащихся старших классов и высших учебных заведений (в рамках учебно-воспитательных экспедиций). Все это создает предпосылки для дальнейших исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альбов Н. М. Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1893 г. / Н. М. Альбов. – ЭКОИРГО, 1894. – Т. XVI.
2. Иващенко М. М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии / М. М. Иващенко. – ИНИИК, 1935. – Вып. 3. – С. 79–83.
3. Квезерели-Копадзе Н. И. Дорожные сооружения древней Абхазии / Н. И. Квезерели-Копадзе. – Сухуми : Абгиз, 1955. – С. 61–62.
4. Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства абхазов : этнографические очерки / Ц. Н. Бжания. – Сухуми : Апашара, 1968. – С. 127.

5. Пачулиа В. П. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана / В. П. Пачулиа. – М. : Наука, 1968. – С. 127.
6. Инал-Ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов / Ш. Д. Инал-Ипа. – Сухуми : Алашара, 1971. – С. 57–158.
7. Воронов Ю. Н. Научные труды в семи томах. Том I. Колхида в железном веке. Колхида на рубеже средневековья / Ю. Н. Воронов. – Сухум : АН Абхазии, 2006. – С. 203.
8. Воронов Ю. Н. О датировке абхазских ацангуаров / Ю. Н. Воронов. – СЭ. – 1973. – № 6. – С. 37.
9. Ксенофонтов В. А. Ацангуары на северном склоне хребта Аибга / В. А. Ксенофонтов, Н. В. Диденко // Русская старина. – 2011. – № 2 (4). – С. 15.
10. Акт государственной историко-культурной экспертизы документации, обосновывающей включение выявленного объекта археологического наследия – «Группа ацангуаров „Черная пирамида 8”», расположенного: Краснодарский край, г.-к. Сочи, Адлерский район, Сочинский национальный парк, Аибгинское лесничество, в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://admkrain.krasnodar.ru/upload/iblock/9f0/9f03f03f03e728547b90a0565cc35c659.pdf>.

REFERENCES

1. Al'bov N. M. *Botaniko-geograficheskie issledovaniya v Zapadnom Zakavkaz'e v 1893 g.* [Botanical and Geographical Research in Western Transcaucasia in 1893]. ECOIRGO. 1894, vol. XVI.
2. Ivashhenko M. M. *Issledovanie arhaicheskikh pamjatnikov material'noj kul'tury v Abhazii* [The Study of Archaic Monuments of Material Culture in Abkhazia]. INIИK, 1935, iss.3, pp. 79-83.
3. Kvezereli-Kopadze N. I *Dorozhnye sooruzheniya drevney Abhazii* [Road Structures of Ancient Abkhazia]. Suhumi, Abgiz, 1955. Pp. 61-62.
4. Bzhaniya C. N. *Iz istorii hozyaystva abhazov (Etnograficheskie ocherki)* [From the History of the Abkhaz Economy (Ethnographic Essays)]. Suhumi, Apashara, 1968. P. 127.
5. Pachulia V. P. *Istoricheskie pamyatniki Abhazii, ih znachenie i ohrana* [Historical Monuments of Abkhazia, their Significance and Protection]. Moscow, Nauka, 1968. P. 127.
6. Inal-Ipa Sh. D. *Stranicy istoricheskoy jetnografii abhazov* [Pages of Historical Ethnography of Abkhazians]. Suhumi, Alashara, 1971. Pp. 57-158.

7. Voronov Yu.N. *Nauchnye trudy v semi tomah. Tom I. Kolhida v zheleznom veke. Kolhida na rubezhe srednevekov'ya* [Scientific Works in Seven Volumes. Volume I. Colchis in the Iron Age. Colchis at the Turn of the Middle Ages]. Suhum, AS of Abkhazia, 2006. P. 203.

8. Voronov Yu. N. On the dating of the Abkhazian atsanguars. *Sovetskaya Etnografiya = Soviet Ethnography*, 1973, no. 6, p.37.

9. Ksenofontov V. L., Didenko N. V. Atsanguars on the northern slope of the Aibga Ridge. *Russkaya Starina = Russian Antiquity*, 2011, no. 2 (4), p. 15.

10. *Akt gosudarstvennoy istoriko-kul'turnoy ekspertizy dokumentacii, obosnovy-vayushhey vkluchenie vyjavlennogo obyekt arheologicheskogo naslediya – «Gruppa atsanguarov «Chernaya piramida 8»», raspolozhennogo: Krasnodarskiy Krai, g.-k. Sochi, Adlerskiy rayon, Sochinskiy nacional'nyy park, Aibginskoe lesnichestvo, v Edinyy gosudarstvennyy reestr obyektov kul'turnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kul'tury) narodov Rossijskoy Federacii* [The Act of the State Historical and Cultural Expertise of the Documentation Substantiating the Inclusion of the Identified object of Archaeological Heritage, An Atsanguar Set “Black Pyramid 8”]. Available at: <https://admkrain.krasnodar.ru/upload/iblock/9f0/9f03fbe03e728547b90a0565cc35c659.pdf>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Грицких И. В. Ацангуары в археологических исследованиях Западного Кавказа / И. В. Грицких, С. В. Розыев // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3. – С. 73–79.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Gritskikh I. V., Roziyev S. V. Atsanguars (Low Stone Fences) in the Archaeological Researches of the Western Caucasus) / I. V. Gritskikh, S. V. Roziyev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 3, pp. 73–79. (In Russian).

УДК-93/99

Матвеев Владимир Александрович

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Отечественной истории XX–XXI вв. (базовой кафедры ЮНЦ РАН) Института истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону)

**О ЗНАЧЕНИИ ПОНЯТИЙ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ
ДОСТОВЕРНОСТИ
ИСТОРИЧЕСКИХ
РЕКОНСТРУКЦИЙ**

Аннотация:

Представляемый фрагмент исследования воспроизводит кодифицированные отображения реальности формирования русской (восточнославянской) оседлости на Кавказе и иных южных ареалах государственного пространства. На конкретных примерах обосновывается необходимость соблюдения точности в передаче конкретизирующих процесс и состояния связанных с ним трансформаций обозначений. От употребляемых понятий, по утверждению автора, зависит достоверность исторических реконструкций. Подмена существовавших в эпохальном контексте емких определений неизбежно ведет к искаженному воспроизведению прошлого. Форматы таких систематизаций обретают разрушительные свойства и ведут к дезинтеграции складывавшихся сообществ.

Matveev Vladimir Aleksandrovich

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Russian History of the XX–XXI Centuries (the base department of SSC RAS), the Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don)

**ON THE ROLE OF CONCEPTS
IN ENSURING RELIABLE
HISTORICAL RECONSTRUCTIONS**

Abstract:

The study reproduces codified representations of reality having to do with the formation of Russian (East Slavic) sedimentation in the Caucasus and other southern state areas. Specific examples are used to substantiate the need to observe the accuracy in transferring the notions specifying the process and state of the transformations associated with it. The author claims that the reliability of historical reconstructions depends on the concepts being used. Substituting capacious definitions that existed in the epoch-making context inevitably leads to a distorted reproduction of the past. The formats of such systematizations become destructive and lead to the disintegration of emerging communities. The article traces these consequences by looking into the disintegration of the Russian Slavs. In this case, the systematization of facts is based on the ethno-national

В статье данные последствия прослеживаются по произошедшей дезинтеграции русских славян. Систематизация фактов в ней основывается на этнонациологическом подходе, предполагающем учет уровней консолидации и сохранявшихся не завершившихся переходов. Складывание согражданства в Российской империи к 1917 г. не обрело завершенности. Сочетание альтернатив наблюдалось и в консолидации восточнославянского сообщества. При наличии дифференцированной, но сродной основы, оно превращалось в этнонацию, нуждающуюся, по мнению автора, в федерализации связей.

Ключевые слова:

восточнославянское сообщество, конкретизации реальности, исторические реконструкции, понятия как кодификаторы, этнические и национальные уровни консолидации, русские славяне, согражданство и федерализация связей.

approach, which involves keeping track of the levels of consolidation and remaining uncompleted transitions. Cocitizenship has not been formed yet in the Russian Empire by 1917. A combination of alternatives was also observed in the consolidation of the East Slavic community. With a differentiated, yet akin foundation, it turned into the ethno-nation, which, as the author believes, needed federalized connections.

Keywords:

East Slavic community, concretization of reality, historical reconstructions, concepts as codifiers, ethnic and national levels of consolidation, Russian Slavs, cocitizenship and the federalization of connections.

Консолидация русских славян¹ до наступивших в условиях революционного кризиса и гражданской войны 1917–1921 гг. перемен развивалась с направленностью складывания этнонации, но при сохранении внутренних различий, предполагавших федерализацию связей. Исчезновения дифференцированности, как в ряде стран Европы, при развитии таких же процессов в среде сохранявших общность ответвлений не происходило. Проведение любых преобразований в Российской империи предполагало закрепление

¹ Данное идентификационное обозначение имело распространение во второй половине XIX – начале XX вв. Употреблялось оно на всемирных конгрессах славян, а также в исследованиях различных представителей отечественной исторической науки того периода.

федерализации, что соответствовало в полной мере и складывавшемуся историческому коду. Составной частью, не имевшей одного измерения русской идеи, являлось сохранение субэтнических различий, складыванием которых сопровождалось, в том числе, закрепление восточнославянской оседлости на окраинах государства.

Каждая из вариаций являлась уникальным достоянием, воплощавшим местную специфику. В исследовательской практике между тем используются до сих пор понятия, вошедшие в оборот в советский период развития отечественной науки. Заимствование же их произошло из опыта ряда европейских стран и обобщавшей его публицистики. Основывавшиеся на националистических критериях положения в свои статьи и брошюры включали В.И. Ленин [1], И.В. Сталин [2], Л.Д. Троцкий [3] и другие разработчики большевистской доктрины. Под их влиянием составлялась и программа государственного переустройства России. Однако взятая за образец теория марксизма в сочетании с данными европейской этнологии второй половины XIX – начала XX вв. особенности ее не отображали. Восточнославянское сообщество при проведении преобразований уже в начале советской эпохи подверглось сегментации.

Осуществлялась же она по субэтническим признакам. На этом уровне также происходят самоотождествления с народом. Но в таком единстве воспринималось в среде восточных славян и все этническое сообщество, несмотря на существовавшие внутренние различия. Наряду с другими публицистами, вопреки сложившимся отечественным реалиям, подмену идентификационных обозначений одним из первых стал допускать и В.И. Ленин. В книге «Развитие капитализма в России», опубликованной в 1899 г., он использовал понятия, употреблявшиеся в практическом обиходе. Так, Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую губернии в соответствии с ним он помечал исключительно как «южно-русские» [4, с. 61]. Их тогда В.И. Ленин еще не противопоставлял центральным субъектам в качестве ареалов, на которые якобы распространяемо причисление к территории Украины. Для обозначения пространства им использовалась употреблявшаяся в действительности конкретизация «Новороссия» [4, с. 66].

К Украине данный ареал привязывался в соответствии с мифологизированным восприятием, не имевшим совпадения с тем, что было на самом деле. Бытовало оно и в народной среде. При сохранении восточнославянского единства несоответствия действительности в восприятии сложившейся идентификационной специфики какого-либо значения не имели. Однако при возникавших потребностях составления программ с соответствующим уклоном фальсификации произвольно стали вноситься в теоретические обоснования, использовавшиеся впоследствии для национального разделения восточнославянского сообщества. Население южных субъектов между тем в преобладающей степени относило себя только к русскому народу. Объективные наблюдения проясняли наличие именно такой идентичности во всех зонах смешанной восточнославянской колонизации.

На основе проводившихся переписей и различных статистических материалов воспроизводил ее и В.И. Ленин. Не употреблялось в его публицистике в конце XIX в. и наименование «украинцы». Появляется оно в статьях В.И. Ленина несколько позже. В этом прослеживается, безусловно, изменение в восприятии. В конце XIX в. субэтническая идентификация «малороссы» имела еще преобладающее распространение. Употреблялась она и в специализированных научных описаниях [5, с. 135], в которых выдерживалось условие необходимости точности передачи. Причем составителей невозможно заподозрить в предвзятости и некорректности.

В обобщавшем статистические сведения труде «Развитие капитализма в России» В.И. Ленин передал, например, такие сведения о процессе переселения: «Из рабочих, приходивших в Херсонскую губернию, 7/10 идут пешком, не имея средств на покупку ж.-д. билетов» [4, с. 237]. Описания в специальной литературе, на которую он опирался, отображали и то, что вынужденные уходить в южные субъекты страны «бредут за сотни и тысячи верст вдоль полотна железных дорог и берегов судоходных рек». В примечаниях к изложенным фактам воспроизводилось следующее уточнение: «Деньги на дорогу добываются продажей имущества, даже пожитков, закладом наделной земли, залогом вещей, одежды и пр., даже займом денег под отработки... у священников, помещиков и местных кулаков» [4, с. 237]. Среди перемещавшихся были и сезонные рабочие, спешившие «наняться на жатву и молотьбу» [4, с. 239].

Преобладающая же часть тех, кто покидал обжитые места, обратно не возвращались. За счет их также возрастала представленность русской оседлости на окраинах. Как заметно из изложенных выдержек работы «Развитие капитализма в России», в тех случаях, когда В.И. Ленин опирался на специальные публикации с отображенными в них конкретными фактами, в его описаниях воспроизводилась реальность. В последующих же оценках возобладали идеологические абстракции, предполагавшие лишь повторяющееся с редакционными видоизменениями сюжетное наполнение. В соответствии с используемыми схемами «переселение из России» в интерпретации В.И. Ленина производилось якобы «во славу... националистического принципа “русификации окраин”» [6, с. 330].

На ее осуществление, по его утверждению, «правительство и контрреволюционные партии возлагали... большие надежды», так как исход крестьян из центральных и юго-западных субъектов мог «значительно притупить и обезвредить аграрный вопрос». Выделялось В.И. Лениным и то, что переселение на окраины рекламировалось и поощрялось в связи с приближением «крестьянского движения в Европейской России» [6, с. 325]. Рассматривалось же оно как предвестник революции, в ходе которой по представлению В.И. Ленина, разрешатся все существующие проблемы. Его взгляды впоследствии придали иную направленность в восприятии явления русской колонизации.

Наименование «украинцы» в отечественной публицистике стало наиболее широко отображаться лишь с 1905 г. Тогда же оно используется и при описании более ранних периодов, что нарушало достоверность исторических реконструкций. До отмеченного рубежа «украинцами» называли, как правило, участников кружков с соответствующей направленностью. Под влиянием происходивших в ряде европейских стран процессов складывания наций обозначение в восточнославянских провинциях Австро-Венгерской империи, как можно судить по последствиям, тем не менее, постепенно воспринималось.

Внедрением в сознание масс разделяющей этническое сообщество мифологии занимались создававшиеся для этого группы. Немалая часть населения Галиции по-прежнему, так или иначе, в начале XX в. еще считала себя

русским. Однако для сохранения данного исторического результата почти ничего не предпринималось. Противодействие опиралось лишь на частные инициативы. Националистически же настроенные активисты в Галиции наращивали масштабы своей деятельности. Их пропаганда о существовании «украинского народа и языка» проникала на правобережье и левобережье Днепра.

Отображением того, как происходило насаждение соответствующих представлений, являются, например, справочные сведения ко второму тому собрания сочинений историка М.П. Драгоманова с «биографическим очерком» и комментариями. Издание осуществлено в 1906 г. редакцией «Освобождение» в Париже «по инициативе и на средства» оказавшихся в эмиграции «украинцев-демократов». Составитель предисловия причастность к написанию пометил лишь инициалами «Б. К.» [7, с. VIII]. Однако по другим сопроводительным приложениям к произведениям М.П. Драгоманова можно сделать вывод, что авторство принадлежит Б.А. Кистяковскому, одному из участников движения за признание украинской идентичности.

В предисловии сообщалось, что в «издание вошли все политические сочинения» известного историка, «написанные за границей по-русски», и переводы публикаций с других языков. Среди них выделены не только итальянский и французский, но также польский с украинским [7, с. VIII]. Между тем в статьях и брошюрах М.П. Драгоманов во второй половине XIX в. использовал преимущественно русский язык. Украинские тенденции ему стали присваиваться только в начале XX в. Неслучайно намеривавшийся представить в биографический очерк наброски П.Б. Струве, исходя из своей осведомленности о взглядах ученого, по утверждению Б.А. Кистяковского, обещал охарактеризовать его «как общерусского политического писателя и деятеля» [7, с. VIII].

Вследствие того, что «более неотложные литературные и публицистические работы помешали П.Б. Струве» выполнить данное обещание, в написанном Б.А. Кистяковским биографическом очерке к изданию 1906 г. информация о М.П. Драгоманове содержала сведения о нем как «об украинце» [7, с. VIII]. На самом деле он являлся последовательным сторонником сохранения единства русских славян. Закрепление же его с учетом субэтнических нестыковок ученый предлагал произвести на основе федерализации

сообщества с выделением областных автономий. Излагалось в биографическом очерке Б.А. Кистяковского и предположение, что М.П. Драгоманов использовал якобы русский язык для оформления результатов исследований с целью преодоления цензурных препятствий. Однако публикация за границей, как заметно по изложению в биографическом очерке, осуществлялась и на других языках.

Тем не менее, и в эмиграции М.П. Драгоманов писал преимущественно на русском языке. Опирался он и на типичные для второй половины XIX в. понятия. Среди распространенных тогда идентификационных обозначений М.П. Драгоманов употреблял наименование «малороссы». Отождествление «украинцы», как можно проследить по его статьям и брошюрам, соотносилось с активистами кружков, но не имело распространения в народной среде. Несмотря на это, пропагандой оно целенаправленно насаждалось. Подтверждением этому может, в частности, служить такое редакционное примечание: «Австро-русские воспоминания 1867–1877 гг. М. Драгоманова... везде», по сделанному пояснению, в издании названы «Австро-украинскими воспоминаниями». В нем утверждалось, что это необходимо «во избежание недоразумений» [7, с. IX]. Однако данная подмена являлась и тогда прямым нарушением авторского права. Воспоминания сам М.П. Драгоманов озаглавил как «Австро-русские». Публикация их состоялась во Львове в 1889–1892 гг. [7, с. IX].

По предисловию же Б.А. Кистяковского прослеживается, вместе с тем, состояние переходности в субэтнической среде малороссов. Присваивая ей классификацию «национальной», составитель со всей определенностью указал на наличие «украинцев», хотя данное отождествление в среде самого населения широкого распространения не имело [7, с. XIII]. При этом приписываемая идентичность в биографическом очерке переносилась с нарушением принципа историзма и на более ранние периоды, когда даже Т.Г. Шевченко, творческое наследие которого использовалось для взлома кода восточнославянской общности, в своих произведениях обозначение «украинцы и украинский народ» не использовал. Указывая на «нетерпимость поляков», Б.А. Кистяковский, тем не менее отмечает, что она проявлялась «относительно русских» [7, с. XIII].

Сталкиваясь с подобными настроениями восточнославянское население могло только в губерниях Юго-западного края, преимущественно

на правобережье Днепра. Еще в более острых формах «нетерпимость поляков... относительно русских» имела распространение в восточнославянских провинциях Австро-Венгерской империи. В начале XX в., и особенно под воздействием кризисных обстоятельств революционного периода, идентификационное обозначение «украинцы» входило в оборот. Между тем и тогда применение его наблюдалось в весьма ограниченных параметрах. Насаждение при помощи пропагандистского воздействия осуществляли сторонники разобщения русских славян. Воспринимал украинский проект и Б.А. Кистяковский.

В Российской империи противодействие осуществлялось по линии ограничительного реагирования жандармерии и полиции, а также структур управления. Усилия по отстаиванию общности восточных славян с опорой на мобилизацию интеллектуальных возможностей предпринимались лишь отдельными имевшими малороссийское происхождение деятелями культуры и представителями отечественной исторической науки. Официальной же поддержки они не получали. Ошибочно некоторых из них рассматривали даже в качестве сепаратистов. Постигла такая участь и М.П. Драгоманова. Между тем «политические... стремления» тех, кто отстаивал украинскую альтернативу, «были... очень разнообразны и даже не совсем ясны» [7, с. XIV]. При сопоставлении с фактами из объективной реальности они опровергались.

Использовавшиеся В.И. Лениным понятия заимствовались из европейских изданий, в которых в начале XX в. отображались, так или иначе, с оформленностью в ряде случаев в теории процессы завершения складывания национальных государств. Находясь длительное время в эмиграции, он, как и другие представители большевистской партийной элиты, по образному выражению русского философа И.А. Ильина, проходили «школу чужемыслия», веря «в силу лжи», и создавали вследствие этого доктрину, направленную «против справедливости» [8, с. 18–20]. Российская действительность без учета существовавшей специфики стала соотноситься с европейским опытом даже при том, что не имела с ним по многим показателям совпадения.

Отечественный имперский феномен не относился к разряду колониальных. Имея сопредельные иноэтнические территории, Россия превращалась

вследствие преобладавшего добровольного вхождения и проводившейся политики в отечество и для других входивших в ее состав народов. Она являлась империей континентального типа, в пределах которой складывалось полиэтническое согражданство. Увлеченность В.И. Ленина и других разработчиков большевистской доктрины отображавшей в значительной мере европейские реалии теорией марксизма как раз и привела к созданию программного проекта, содержавшего потенциал последующей дезинтеграции и разрушения государства.

С одной стороны, декларировалось то, что «националистические идеи... резко противоречат всему мировоззрению социал-демократии» [9, с. 73]. Вместе с тем, исходя из абсолютизовавшегося в марксизме классового измерения исторических перемен, предлагалось при их конструировании в период революции «заботиться о самоопределении не народов и наций, а пролетариата в каждой национальности» [10, с. 36]. Намечавшиеся же в соответствии с программой РСДРП(б) подходы могли способствовать лишь сегментации восточнославянского сообщества с присвоением существовавшим субэтническим различиям статуса национальных.

В написанных после возвращения из эмиграции на родину в 1917 г. работах В.И. Ленин уже вполне конкретно рассматривал население «малороссийских губерний» в качестве отдельного народа, которому также должно быть предоставлено право на самоопределение вплоть до отделения. Идея объединившего Германию канцлера Отто фон Бисмарка о необходимости сегментации восточнославянского сообщества для ослабления геополитических и цивилизационных позиций России оказалась воплощенной в теорию, использованную впоследствии в переустройстве государства [11, с. 398]. Внедрение «украинского проекта» состоялось вследствие этого в советскую эпоху. Заимствования из европейских националистических теорий, в том числе и из марксизма, в достижении результата имели, на мой взгляд, немаловажное значение.

Поддержку на государственном уровне получило одно из не имевших исторической предопределенности для воплощения процессуальных состояний. Несмотря на наличие общерусской альтернативы, это и предопределило исход этнополитической трансформации. То, как именно происходило

насаждение представлений об особой украинской идентичности в советскую эпоху, прослеживается, в частности, по различным изданиям художественной литературы. Закрепился в советскую эпоху и миф о Т.Г. Шевченко, сочиненный когда-то в кружках сторонников ее насаждения. Отобразив существовавшее в имперский период восприятие на Украине, историки М.П. Драгоманов, Н.И. Костомаров обоснованно относили его к общерусским поэтам и писателям [12, с. 84], передававшим в своем творчестве местный «этнографизм». Подмена же формата восприятия субэтнической специфики прослеживается и по сопроводительному представлению других художественных произведений, отображавших между тем консолидированность и существовавшую неразделенность русских славян.

В поэме И.П. Котляревского «Энеида», три части которой были напечатаны в 1798 г., не содержалось, например, каких-либо упоминаний об «украинцах» [13], хотя употреблявшееся в действительности определение «малороссы» использовалось. При переизданиях ее в советскую эпоху везде, вопреки необходимости соблюдения точности передачи, в составлявшихся предисловиях обозначалась украинская идентичность, в историческом контексте распространения не имевшая. Допускавшиеся несоответствия реальности создавали в справочных сопроводениях иллюзию отдельности. В поэме И.П. Котляревский употребляет действительно использовавшиеся в народной среде идентификационные противопоставления с восприятием «мы – они».

Резкая этническая и религиозная разделенность выражена, например, в формулировке: «Чужой какой-то, басурманский» [13, с. 194]. При наличии некоторого сходства прослеживается она и в обозначении «лях», в другом фрагменте поэмы соотнесенная с весьма негативной оценкой: «Католик, мерзкий, лиходей... охальник, пьяница, мучитель» [13, с. 31]. Отобразившееся наряду с ним в тексте определение «москаль» воспроизводило, тем не менее, как можно судить по смысловому значению, состояние субэтнической специфики в общерусском контексте. В воспроизведении И.П. Котляревского наделенные народными качествами персонажи поэмы пели не только «казацьи, вольные, лихие» песни, но и кто «знал – московские, чудные» [13, с. 65]. Так в восточнославянском сообществе воспринимались отличавшиеся друг

от друга разговорные практики. Как «чуждые» они рассматривались во всех субэтнических ответвлениях.

Но вместе с тем было и немало общего. На это указывает, в частности, отображенный И.П. Котляревским патриотический сюжет, составленный на основе наблюдавшихся идентификационных настроений в среде запорожского казачества: «Полтавский бой воспели с жаром» [13, с. 65]. Устранение внешних угроз в восточнославянском сообществе, таким образом, как заметно по его содержанию, осознавалось в качестве общего достижения. Сродным в великорусской среде воспринимался и язык произведения И.П. Котляревского. Об этом можно судить по посвящению к Петербургскому изданию 1808 г. Размещено оно было под названием «Любителям малороссийского слова» [14, с. 301]. Для таких аудиторий поэма читалась и в дальнейшем. Неоднократно она представлялась, например, в период 1821–1823 гг. на заседаниях Петербургского «Вольного общества любителей российской словесности» [14, с. 301].

В предисловиях к изданиям в советскую эпоху поэма И.П. Котляревского «Энеида» называется тем не менее уже «украинской» [15, с. 3]. Такая идентичность стала присваиваться и запорожскому казачеству, которое во второй половине XVIII в. и при переселении на Кубань считало себя по-прежнему русским. Фальсификацией является также утверждение автора предисловия к Харьковскому переизданию 1961 г. о том, что «читатели... и критики в образах троянцев, карфагенян, латинян увидели украинцев с их бытом, обычаями и общественными взаимоотношениями» [15, с. 4]. Производившаяся подмена понятий в советскую эпоху не в последнюю очередь способствовала насаждению соответствующих представлений о разделенности восточного славянства. За основу национальной идентификации между тем брались субэтнические особенности. В отечественной исторической науке широко использовались в тот период для подтверждения теоретических положений указания и на проводившуюся якобы политику «русификации» окраин.

Применялись они также к Кавказу, являвшемуся когда-то, наряду с другими южными ареалами, зоной смешанной восточнославянской колонизации. Какими-либо конкретными доказательствами данные утверждения не подкреплялись. В описания они и ранее заимствовались из отечественной

и зарубежной оппозиционной публицистики, в которой отображались лишь не основанные на подтверждениях фактами повторы содержащихся в ней критических интерпретаций. С наличием русской идентификации в восточнославянской среде исследователи неоднократно сталкивались при сборе соответствующих сведений не только в южных ареалах, где установилось существенное ее преобладание, но и на Кавказе.

Так, отображая результаты изучения восточнославянского населения в пределах Кабардино-Балкарии, проводившегося в конце XX в., исследовательница И.Х. Тхамокова вынуждена была неоднократно фиксировать сведения о том, что все оно считает себя русским. Собранные в экспедициях материалы со всей наглядностью проясняли существование именно такой реальности. При их проведении И.Х. Тхамокова замечала, что даже в селах и станицах, основанных, по употребленному ей в описании определению, «украинскими переселенцами», потомки их «считают себя русскими». Разделение же их культуры, как проясняли проводившиеся опросы населения, невозможно [16, с. 3].

Особые же состояния восточнославянской этносферы на окраинах государства, несмотря на различия, являлись частями целого, воспринимавшихся до революционного кризиса 1917 г. и связанных с ним трансформаций в формате единого русского народа. Такое осознание вопреки проводившейся политике в советскую эпоху с направленностью на закрепление разделенности по субэтническим признакам длительное время оставалось неискоренимым. По-прежнему находит последователей и версия о «русификации» [17]. Указывая на распространенность выделения общности восточнославянского населения, например, известный кавказовед Ю.Ю. Карпов отражавшее ее обозначение «великороссы... малороссы и белорусы» воспринимает как «факт великодержавности» [17, с. 354].

Между тем, употреблявшееся на практике определение данных субэтнических ответвлений в качестве «одного народа» официальным порождением отнюдь не являлось. Служебной перепиской воспроизводилось лишь то, что существовало в действительности. Наличие общности и различий в восточнославянском сообществе фиксировалось и в художественных произведениях, которые могут вполне служить для частичной их реконструкции.

Направлявшиеся в начале XX в. академические экспедиции на Кавказ выявляли отсутствие употребления русского языка в среде мусульманского населения. Несмотря на это, значительная его часть воспринимала Россию в качестве родины.

Владение официальным языком при посещении аулов обнаруживалось лишь у отдельных представителей администрации правлений. Зато участникам академических экспедиций приходилось сталкиваться, как отмечалось в докладах о результатах поездок, «с поразительными случаями распространения арабской грамотности и знания литературного арабского языка» даже в среде «нагорных дагестанцев» [18, с. 1386]. Представленные в отчете сведения о лингвистической ситуации на Кавказе этим не ограничивались. В них содержалось также указание на преобладавшее знание грузинского языка в закавказских селах, в которых проживали исповедовавшие христианство тушины. Сохраняя в целом вайнахскую этничность, они подверглись воздействию сопредельной культуры, что придало специфику их идентичности.

Лишь в отдельных случаях при нахождении в исповедовавших христианство обществах академические экспедиции, направлявшиеся на Кавказ, в начале XX в. фиксировали наличие населения «поголовно грамотного» [18, с. 1386]. Влияние на это оказывали, как можно судить по отчету, религиозные приверженности. Целенаправленная «русификация» в данном случае также не предпринималась. Кодификация же, при отсутствии знания русского языка в среде преобладающей части иноэтнического населения Кавказа, отображалась прежде всего в самосознании. Проявления ее в действительности происходили неравномерно. Тем не менее солидарное взаимодействие при возникновении для российской государственности кризисных обстоятельств оказывалось преобладающим.

В восточнославянской этнической среде дифференциация, вбирившая местную специфику, сопровождалась появлением особых состояний кодификации. Однако русская идентичность при этом оставалась. При реализации большевистской программы, отражавший одно из существовавших в действительности процессуальных состояний, «украинский проект» получил государственную поддержку. Малороссы в соответствии с воспринятыми

пришедшей к власти элитой националистическими мифами провозглашаются, как заметил исследователь А.В. Марчуков, «особой национальностью». Из обоснований необходимости разделения идеологов сепаратизма заимствованным оказалось утверждение о вине России за допускавшееся якобы ранее угнетение [19, с. 151].

Отражавшая национальную сегментацию восточнославянского этнического сообщества классификация, утвердившаяся под влиянием теоретических заблуждений и проводившейся на их основе политики в 20–30-е гг. XX в., сохранена и в разделе «Русское и украинское крестьянство в Новороссии». Создание же данного коллективного исторического труда вызывалось существующей потребностью воссоздания объективного восприятия специфики южных ареалов и ее проявлений [20, с. 189–193]. В нем также не устранена практика перенесения понятий, вошедших в оборот в советскую эпоху, на предшествующие периоды становления российской государственности, когда применялись иные конкретизации существовавших в восточнославянской среде субэтнических состояний.

Определение «малороссы», появившееся когда-то при создании для этой части восточнославянского населения особой митрополии, пропагандой представлено как унижительное и в таком смысле воспринимается до настоящего времени. Речь не идет, безусловно, о восстановлении его употребления. С появившейся в советскую эпоху реальностью национальной сегментации восточнославянского этнического сообщества необходимо считаться. Но использование для ретроспективных реконструкций понятий, сложившихся в более поздние периоды, нарушает достоверность обобщений и выводов. В качестве отдельных «наций» русские, украинцы и белорусы на государственном уровне стали выделяться вопреки наличию сродной этничности лишь в 20–30-е гг. XX в. Несмотря на прилагавшиеся усилия по их конструированию, осознание общности сохранялось и на последующих этапах [21].

В ареалах повышенной конфликтности самоотождествление восточнославянского населения по проявлявшемуся признаку этнической солидарности становилось даже преобладающим. Условия экстремальности обостряли и чувство общерусского патриотизма. Но это не нарушало обретенную

приспособленность к взаимодействию с иноэтническим населением, также превращавшимся в соотечественников. Появление такой реальности происходило не без противоречий. Применявшиеся подходы на окраинах отечественного Востока, в том числе и на Кавказе, тем не менее имели преобладавшую интеграционную направленность. Создание в тех случаях, когда это было возможно, благоприятной этносферы на периферии государства являлось одной из составляющих проводившейся политики. Результат достигался между тем с применением и других воздействий.

Формат же любого исторического процесса состоит из противоречий. Проявлялись они и при освоении Кавказа русскими переселенцами. Появление благоприятной этносферы, тем не менее способствовало соединению частей «единого отечества», хотя и не служило определяющим фактором сближения. Появление и поддержание динамического эффекта в развитии не только этнических, но и государственных общностей обеспечивается мировоззренческими воздействиями, осуществление которых в прошлом неоднократно осуществлялось с использованием религиозных учений. Возможно оно, как показывает опыт, и при помощи той или иной организации исторических знаний. На данной основе происходит мобилизация общностей на созидание, великие свершения или разрушение. Достоверность же ретроспективных реконструкций не в последнюю очередь зависит, как показывает проведенный анализ, от точности употребления сложившихся понятий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В. И. О национальном вопросе и национальной политике / В. И. Ленин. – М. : Политиздат, 1989. – 557 с.
2. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос / И. В. Сталин // Сочинения. Т. 2. 1907–1913. – М. : ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы, 1946. – С. 290–367.
3. Троцкий Л. Д. К истории русской революции / Л. Д. Троцкий. – М. : Политиздат, 1990. – 447 с.
4. Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 3. – 5-е изд. – М. : Издательство политической литературы, 1971. – 792 с.

5. Бехтерев В. Гипноз. Внушение. Терапия / В. Бехтерев. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2019. – 416 с.
6. Ленин В. И. Переселенческий вопрос / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 21. – 5-е изд. – М. : Издательство политической литературы, 1968. – С. 325–336.
7. Предисловие ко второму тому Б. К. // Собрание политических сочинений М.П. Драгоманова. С биографическим очерком... Печатается по инициативе и на средства украинцев-демократов. Т. II. – Париж : Освобождение, 1906. – С. VII–LIX.
8. Ильин И. А. Почему мы верим в Россию : Сочинения / И. А. Ильин. – М. : Эксмо, 2008. – 912 с.
9. Ленин В. И. К европейским рабочим / В. И. Ленин // Ленин В. И. О национальном вопросе и национальной политике. – М. : Политиздат, 1989. – С. 72–74.
10. Ленин В. И. О манифесте «Союза армянских социал-демократов» / В. И. Ленин // Ленин В. И. О национальном вопросе и национальной политике. – М. : Политиздат, 1989. – С. 34–37.
11. Голушко Н. М. КГБ Украины. Последний председатель. В 2-х т. Т. 2 / Н. М. Голушко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Интербук-бизнес, 2014. – 412 с.
12. Драгоманов М. П. Восточная политика Германии и обрусение / М. П. Драгоманов // Драгоманов М. П. Политические сочинения. Т. I. Центр и окраины / под ред. проф. И. М. Гревса и Б. А. Кистяковского. – М. : Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1907. – С. 1–216.
13. Котляревский И. П. Энеида / И. П. Котляревский ; пер. с укр. К. Худенского. – Харьков : Харьковское книжное издательство, 1961. – 302 с.
14. И.П. Котляревский. (Биографическая справка) // Котляревский И. П. Энеида / пер. с укр. К. Худенского. – Харьков : Харьковское книжное издательство, 1961. – С. 300–302.
15. Вольнский П. К. Поэма, оваянная немеркнувшей славой / П. К. Вольнский // Котляревский И. П. Энеида / пер. с укр. К. Худенского. – Харьков : Харьковское книжное издательство, 1961. – С. 3–8.
16. Тхамокова И. Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии / И. Х. Тхамокова. – Нальчик : Эль-Фа, 2000. – 237 с.
17. Карпов Ю. Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений / Ю. Ю. Карпов. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2017. – 400 с.
18. Марр Н. Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа. Доклад в заседании Отделения Историко-Филологических Наук 12 октября 1916 г. / Н. Я. Марр // Известия Императорской Академии наук. – 1916. – С. 1379–1408.

19. Марчуков А. В. Украинское национальное движение. УССР. 1920–1930-е годы. Цели, методы, результаты / А. В. Марчуков. – М. : Центрполиграф, 2015. – 591 с.

20. Истомина Э. Г. Русское и украинское крестьянство в Новороссии / Э. Г. Истомина // История Новороссии / отв. ред. В. Н. Захаров ; Рос. ист. об-во ; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. – М. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 854 с. – С. 189–192.

21. Бузина О. А. Тайная история Украины-Руси / О. А. Бузина. – М. : Эксмо, 2016. – 448 с.

REFERENCES

1. Lenin V. I. *O nacional'nom voprose i nacional'noy politike* [On the National Issue and National Policy]. Moscow, Politizdat, 1989. 557 p.

2. Stalin I. V. *Marksizm i nacional'nyj vopros* [Marxism and the National Issue]. Writings, vol. 2, 1907–1913. Moscow, OGIZ. State Political Literature Publishing House, 1946. Pp. 290–367.

3. Trotsky L. D. *K istorii russkoj revoljucii* [On the History of the Russian Revolution]. Moscow, Politizdat, 1990. 447 p.

4. Lenin V. I. *Razvitie kapitalizma v Rossii. Process obrazovaniya vnutrennego rynka dlya krupnoj promyshlennosti* [The development of Capitalism in Russia. The Process of the Formation of the Domestic Market for Large-scale Industry]. Complete collection. Moscow, Political Literature Publishing House, 1971, vol. 3. 792 p.

5. Bekhterev V. *Gipnoz. Vnushenie. Terapiya* [Hypnosis. Suggestion. Therapy]. Moscow, Knigovek Book Club, 2019. 416 p.

6. Lenin V. I. *Pereselencheskiy vopros* [The resettlement Issue]. Complete collection. Moscow, Political Literature Publishing House, 1968, vol. 21. Pp. 325–336.

7. *Sobranie politicheskikh sochineniy M.P. Dragomanova* [Collection of political works of M.P. Dragomanov]. Paris, "Liberation" Editorial, 1906, vol. II. Pp. VII–LIX.

8. Ilyin I. A. *Pochemu my verim v Rossiyu: Sochineniya* [Why we believe in Russia: Writings]. Moscow, Eksmo, 2008. 912 p.

9. Lenin V.I. *O nacional'nom voprose i nacional'noy politike* [On the National Issue and National Policy]. Moscow, Politizdat, 1989. Pp. 72–74.

10. Lenin V.I. *O nacional'nom voprose i nacional'noy politike* [On the National Issue and National Policy]. Moscow: Politizdat, 1989. Pp. 34–37.

11. Golushko N. M. *KGB Ukrainy. Poslednij predsedatel'* [Ukrainian KGB. The Last Chairman]. Moscow, Interbuk-business, 2014. 412 p.

12. Dragomanov M. P. *Vostochnaya politika Germanii i obrusenie. Politicheskie sochineniya* [German Eastern Policy and Russification. Political Writings]. Moscow, I.D. Sytin Comradeship Typography, 1907. Pp. 1–216.

13. Kotlyarevsky I. P. *Eneida* [Aeneid]. Kharkov, Kharkov Publishing House, 1961. 302 p.
14. Kotlyarevsky I. P. *Eneida* [Aeneid]. Kharkov, Kharkov Publishing House, 1961. P. 300–302.
15. Volynskiy P. K. *Poema, ovejannaya nemerknushhey slavoy* [Poem Covered with Unfading Glory]. Kharkov, Kharkov Publishing House, 1961. Pp. 3–8.
16. Thamokova I. Kh. *Russkoe i ukrainskoe naselenie Kabardino-Balkarii* [Russian and Ukrainian Population of Kabardino-Balkaria]. Nalchik, “El-Fa” Publishing Center, 2000. 237 p.
17. Karpov Yu. Yu. *Nacional'naya politika sovetskogo gosudarstva na severokavkazskoy periferii v 20–30-e gg. XX v.: evoljuciya problem i resheniy* [The National Policy of the Soviet State in the North Caucasus Periphery in the 20-30s of the XX Century: the Evolution of Problems and Solutions. Saint Petersburg, Saint Petersburg Oriental Studies, 2017. 400 p.
18. Marr N. Ya. On the history of the movement of Japhetic peoples from the south to the north of the Caucasus. Report presented at a meeting of the Department of Historical and Philological Sciences, October 12, 1916. *Izvestija Imperatorskoj Akademii nauk = Proceedings of the Imperial Academy of Sciences*, 1916, pp. 1379-1408.
19. Marchukov A. V. *Ukrainskoe nacional'noe dvizhenie. USSR. 1920–1930-e gody. Tseli, metody, rezul'taty* [Ukrainian National Movement. USSR. 1920–1930s. Goals, Methods, Results]. Moscow, LLC Tsentrpoligraf Publishing House, 2015. 591 p.
20. Istomina E. G. *Russkoe i ukrainskoe krest'janstvo v Novorossii* [Russian and Ukrainian peasantry in Novorossia]. Moscow, Center for Humanitarian Initiatives, 2017. Pp. 189–192.
21. Buzina O. A. *Tajnaya istoriya Ukrainy-Rusi* [The Secret History of Ukraine-Rus]. Moscow, Eksmo, 2016. 448 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев В. А. О значении понятий в обеспечении достоверности исторических реконструкций / В. А. Матвеев // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3. – С. 80–97.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveev V. A. On the Role of Concepts in Ensuring Reliable Historical Reconstructions / V. A. Matveev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 3, pp. 80–97. (In Russian).

УДК-94(470.62)

Хлудова Людмила Николаевна

кандидат исторических наук,
доцент, младший научный
сотрудник управления научно-
исследовательской деятельности
ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет» (г. Армавир)

Khludova Lyudmila Nikolaevna

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Research
Assistant of Scientific Research
Department, Armavir State
Pedagogical University (Armavir)

Галоян Вардуй Араратовна

аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет» (г. Армавир)

Galoyan Vardui Araratovna

post-graduate student, Armavir State
Pedagogical University (Armavir)

**ГРАЖДАНСКАЯ ИНИЦИАТИВА
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ
АРМАВИРЕ И ПРОЦЕССЫ
СТАНОВЛЕНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

**CIVIL INITIATIVE
IN PRE-REVOLUTIONARY
ARMAVIR AND THE PROCESSES
OF THE FORMATION OF CIVIL
SOCIETY**

Аннотация:

*В статье рассматривается
проблема формирования
гражданского общества и
гражданской активности
населения, в т. ч. деятельности
неполитических общественных
организаций в дореволюционной
России и, в частности, досоветском
Армавире. Авторы отмечают что
«гражданский потенциал»
Армавира вызревал постепенно,
складывался на основе
полиэтничной и
поликонфессиональной среды
армавирского социума и проявлялся
как в создании организаций
культурного и просветительского
значения, так и в деятельности
отдельных благотворителей.*

Abstract:

*The article discusses the problem of
the formation of civil society and civic
engagement, including the activities
of non-political public organizations
in pre-revolutionary Russia and
pre-Soviet Armavir. The authors note
that the "civic potential" of Armavir
matured gradually, took shape on
the basis of a multi-ethnic and multi-
confessional environment of Armavir
society and was manifested both
in the creation of organizations
of cultural and educational
significance, as well as in the
activities of individual benefactors.*

Ключевые слова:

дореволюционный Армавир, гражданское общество, гражданская активность, общественные организации, благотворительность.

Keywords:

pre-revolutionary Armavir, civil society, civic activism, public organizations, charity.

Проблема формирования гражданского общества, деятельности неполитических общественных организаций в дореволюционной России привлекает в настоящее время все большее внимание российских исследователей. Обсуждается она и в прессе, и на страницах интернет изданий. Элементы самоорганизации общества в этот период, особенно в российской провинции, были довольно немногочисленны и не охватывали широкого круга действующих лиц. Очень важно определить те социальные слои, которые выступали строителями элементов гражданского общества.

Вопросы генезиса института гражданского общества в дореволюционной России можно рассматривать с двух позиций. Сторонники первого подхода связывают его появление и существование с такими формами, как демократическое правовое государство и рыночная экономика, поскольку именно они обеспечивают независимость граждан от государства и традиционных институтов, предоставляя людям возможность свободно выражать свои чаяния. В этом случае в становлении гражданского значительную роль играет государство, его институты, и в России этот процесс связан с Великими реформами 1860-1870-х гг.

Согласно второй точке зрения, гражданское общество представляет собой сферу общественной жизни, существующую одновременно и параллельно с государством, но относительно самостоятельно, как совокупность самостоятельных, самостоятельных общественных организаций, объединений, выражающих различные частные потребности и интересы людей и создающих условия для их реализации. А. Грамши относил к сфере гражданского общества не только гражданские ассоциации и независимую печать, но и такие социальные институты, как семья, церковь и иные центры духовной власти, а также совокупность повседневных норм, обычаев и структур коммуникации между людьми – от столика для завсегдатаев в кафе или «гражданского брака» до разговоров на базаре, в лавке или магазине [1]. Современный

немецкий автор Сюзанна Ланг подчеркивает: «...Объединения и союзы, группы самопомощи и соседские инициативы, благотворительные организации, социальные движения, неправительственные организации и сети, партии и профсоюзы, фонды с общественными целями и т. д., и т. п. ... негосударственные и некоммерческие организации образуют институциональное ядро, и сила гражданских обществ измеряется, как известно, высокой степенью организации. Напротив, без такой инфраструктуры они остаются слабыми, частичными и неспособными к движению...» [2].

В российской научной литературе также можно иногда встретить призыв рассматривать в качестве элементов гражданского общества не только «институты» (организованные группы), но и совокупность «устойчивых отношений и связей (во всех допускающих это сферах бытия) между людьми» [3].

С позиции сторонников второго подхода складывавшееся в России со второй половины XIX в. гражданское общество по социально-экономическому типу было незрелым буржуазным, с сильным влиянием сохранявшихся сословных и самодержавных порядков. Оно вбирало в себя как специфические дореформенные реалии, так и новые структуры, появившиеся в ходе реформ, проведенных после отмены крепостничества. Например, продолжали действовать рычаги сельской и городской общин, родовые, конфессиональные и клановые формы общественного самоуправления (особенно на национальных окраинах России), промысловые, транспортные и другие артели, всевозможные землячества. Наряду с этим на основе рыночной экономики, бурного роста промышленности и торговли, индивидуального крестьянского хозяйства и ремесленничества возникла широкая сеть предпринимательских, а позднее профессиональных, просветительских и иных ассоциаций и союзов. В 1860-х гг. набирает силу мощное культурно-просветительское течение, которое отражало стремление части представителей культурной элиты общества к выражению своих гражданских и духовных потребностей. Мечты об улучшении и смягчении социально-экономических и социокультурных условий жизни подкреплялись текущими делами, направленными на благоустройство жизни в родном городе или селе. Гражданское общество находит в себе силы к консолидации, организации взаимопомощи, отстаиванию интересов наиболее незащищенных

слоев, противостоя не только давлению со стороны государства, но и неизбежным издержкам рыночной экономики. Так, например, в начале XX века в России было около 70 обществ взаимного вспомоществования учащихся и учившихся в народных училищах, которые насчитывали десятки тысяч членов. Типовой Устав этих обществ был утвержден Министерством народного просвещения в 1894 г., и предполагал, что общества нацелены на оказание материальной помощи работникам просвещения, «подыскание им работы, предоставление удешевленной медицинской помощи», заботу об улучшении труда учителей, снабжение их книгами [4].

В связи с вышесказанным, нам представляется вполне возможным говорить о становлении элементов гражданского общества на Кубани в пореформенный период и поставить вопрос о специфике этого процесса в Армавире.

Период масштабных административно-территориальных преобразований на Кубани в 1860-1870-е гг. совпал с проведением в стране целого ряда важнейших реформ, новые структуры образовались при проведении земской, судебной, административной, университетской, школьной и других реформ. Так появляются многообразные организации, которые действуют относительно автономно по отношению к органам государственной власти. Их можно разделить на следующие группы: 1) краеведческие общества; 2) культурно-просветительные общества; 3) благотворительные общества; 4) национальные общественные организации; 5) общества взаимопомощи; 6) православные религиозные общественные организации; 7) здравоохранительные общества; 8) сельскохозяйственные и ветеринарные общества.

Очевидно, что «точками роста» гражданского общества в провинции являлись именно города. Городское общественное управление отличается от сельского по общепринятым понятиям о городе и селе, эти две среды общественного быта признаются различными. В законодательстве дореволюционной России также было проведено разграничение между городским и сельским обществами.

В Кубанской области реализация городской реформы началась с существенным запозданием – в 1874 г. Первыми городское самоуправление по новому Городовому положению ввели Ейск, Екатеринодар, Темрюк, затем Майкоп и Новороссийск. Армавир статус города получил только в марте

1914 г., хотя еще в 1885 г. иногородние армавирцы впервые обратились к начальнику Кубанской области с прошением о преобразовании селения в город, так, как только это давало им право доступа к местному самоуправлению [6].

На этапе аульского прошлого в период с 1839 по 1864 г. внутренний уклад жизни и система самоуправления Армавира отличались патриархальностью и основывались на обычном праве. Исполнительную и судебную власть осуществлял особый коллегиальный орган «тхамата» («тамата»), состоящий из старейшин, избираемых из числа самых уважаемых армавирцев, по разным данным 4 или 6 человек) сроком на 3 года. Уже в аульский период Армавира можно говорить об этнической и социальной неоднородности местного населения, состоявшего из следующих групп: черкесо-гаев; подневольных крепостных крестьян-горцев; свободных черкесов, находящихся в Армавире в качестве гостей и русских иногородних поселенцев. В этой среде начинают складываться традиции межнациональных добрососедских отношений, во многом определявшие специфику формирования и деятельности объединений граждан последующей истории Армавира [6].

Уже на этом этапе развития важным проявлением гражданской инициативы, можно считать, открытие первого в Армавире армянского церковно-приходского училища для мальчиков на средства купца Давида Улуханова 19 сентября 1848 г. В 1855 г. Армавирское мужское училище являлось крупнейшим среди всех начальных школ Кавказского учебного округа. При этом не так важно, на наш взгляд, количество обучающихся, как вообще факт подобного рода начинаний, связанных с частными инициативами, направленными в определенные сферы практической гражданской деятельности.

В 1876 г. Армавир стал с административным центром нового Кавказского уезда и получил статус села. Огромную роль в его социально-экономическом развитии сыграло проведение через аул Ростово-Владикавказской железной дороги, движение по которой было открыто 2 июля 1875 г. В Армавире начинает формироваться крупный центр торговли сельскохозяйственной продукцией и, прежде всего, зерном. Новым явлением в экономике аула в этот период стало появление первых промышленных предприятий, интенсивно развиваются контакты местных черкесо-гаев с переселенцами

из России, массовый приток которых начался после проведения через Армавир железной дороги [7].

Можно предположить, что «гражданский потенциал» Армавира вызревал постепенно, складывался на основе полиэтничной и поликонфессиональной среды армавирского социума, что придавало этому процессу особый региональный «колорит». Если на этапе аульного прошлого черкесо-гаи в составе населения преобладали, их участие в торгово-промышленной деятельности было традиционно высоким, то с конца 1880-х гг. большинство жителей Армавира составляли русские, удельный вес их постоянно увеличивался, как и социальная активность. Проявление гражданской активности в этот период в общественной жизни связано с созданием первых общественных организаций культурного и просветительского значения.

В 1879 года помощником наместника императора на Кавказе был утверждён устав первой в селении общественной организации – Армавирского общественного собрания. Это был своеобразный клуб для совместного проведения досуга. Его целью было «доставить членам своим и их семьям возможность проводить свободное от занятий время с удобством, приятностью и пользой». Для этого общественное собрание устраивало балы, маскарады, танцевальные, музыкальные и литературные вечера, выписывало газеты и журналы [8].

В конце XIX – начале XX в. Армавир становится значительным культурно-образовательным центром степного Предкавказья, растет сеть учебных заведений, Именно представители русского населения Армавира в 1890 г. создали самое известное и популярное местное благотворительное объединение – Общество попечения о детях, задачей которого стало развитие в селе народного образования. В период с 1892 по 1904 г. Обществом было открыто 5 народных школ, в которых в 1913 г. обучалось 900 детей, причем половина из них – бесплатно, в 1901 г. в Армавире появляется 1-я женская прогимназия, а общее число учебных заведений к моменту преобразования Армавира в город составило не менее 25. Также усилиями Общества попечения в Армавире появляется в 1896 г. крупнейшая в Армавире публичная библиотека. В 1907 г. основан обществом и открыт для свободного обозрения публики с бесплатным доступом всех желающих музей наглядных учебных пособий.

В январе 1908 г. группой частных лиц в селении было основано Армавирское просветительное общество, провозгласившее своей целью «распространять просвещение среди населения Кубанской области». В Армавире этим обществом открывались воскресные школы для взрослых, устраивались любительские спектакли, читались научно-популярные лекции [9].

В то же время историк Армавира, к.и.н. С.Н. Ктиторов отмечает, что отсутствие статуса города и невозможность создавать органы местного самоуправления сильно ограничивало возможности роста гражданской активности. Если в городах региона на развитие сферы образования, например, выделялась солидная статья городского бюджета, то в Армавире главным источником финансирования школ служили средства благотворителей, казенные субсидии и плата самих учащихся [6].

Накануне преобразования Армавира в город в 1914 г. в селении функционировали свыше 20 просветительских, благотворительных и общественных организаций. Это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что рост числа разнообразных по направлениям деятельности обществ и объединений в конце XIX начале XX вв. связан с причинами социально-экономического и политического характера. Рост общественной активности как в регионах, так и в целом по стране был одним из факторов возникновения просветительных обществ, кружков и прочих добровольных научных объединений в изучаемый период. Расширяется социальная база участников всех общественных организаций. Деятельность некоторых гражданских объединений фактически была инициализирована самим самодержавием реформами 1860-1870-х гг. Объединяющим фактором в работе общественных объединений было искоренение невежества и безграмотности, тормозившие дальнейшее развитие регионов.

На рубеже XIX и XX столетий в общественных организациях присутствовали различные слаты населения: предприниматели, интеллигенция, служащие торгово-промышленных заведений. Нельзя не отметить, что принадлежность к российской предпринимательской элите во многом обусловила социокультурную направленность части купечества на занятие благотворительностью. Поскольку Армавир был торгово-промышленным городом, большую роль в местных обществах играли местные представители торгово-

промышленного капитала: например, купцы Тарасовы были щедрыми меценатами, жертвовавшими значительные суммы денег на развитие местной культуры. Предприниматель М.И. Мисожников занимался обширной благотворительностью, длительное время состоял одним из директоров Лабинского отделения Кубанского попечительского о тюрьмах комитета и почетным блюстителем армавирского училища Общества взаимопомощи приказчиков [10]. В 1903 г. в центре Армавира была освящена построенная на средства ремесленников Николаевская часовня. Купец Н.Г. Локтионов приобрел «резной вызолоченный киот с тремя иконами: посредине – Воскресение Христово, а по сторонам храмовых праздников местной приходской церкви: Святителя Николая и Казанской Б. Матери, стоимостью около 1500 рублей, а также паникадило, подсвечники и другая утварь стоимостью 800 рублей». В 1910 г. в Армавире была построена сунитская мечеть, средства на которую дал ногайский князь Атажук Адильгиреевич Капланов-Нечев, а строительством мечети занималась строительная контора купца М.И. Мисожникова [10].

В книге «Благотворительные учреждения России», вышедшей в Санкт-Петербурге, фигурируют имена Никиты Фомича Николенко – почетного попечителя Армавирской женской гимназии, Якова Фомича – члена-жертвователя Армавирского общества попечения о детях и его жены – Веры Степановны Николенко, почетной блюстительницы Армавирской гимназии. Общество помогало обеспечивать нуждающихся детей пищей, одеждой, медицинской помощью. Подопечных могли устраивать в учебные заведения, или приюты, либо помещали в первоначальные школы, которые были организованы самим обществом, либо сельскохозяйственные и ремесленные училища. Я.Ф. Николенко принадлежало имение «Барвинок», где находилось одноклассное начальное училище. В нем проходили обучение 23 мальчика и 8 девочек. Этому учреждению оказывалась материальная поддержка женой купца Верой Степановной, она же жертвовала приличные денежные суммы. В.С. Николенко помогала в содержании и барвиновского училища и принимала участие в жизни воспитанников второго смешанного одноклассного училища Армавирского общества попечения о детях, будучи (с 1903) его почетным блюстителем и жертвуя ежегодно по 150 руб. [11].

Можно предположить, что несоответствие несовершенного сельского устройства многообразным нуждам Армавира становится очевидным к началу XX в. и более острые формы приобретает борьба выступавших «за город» иногородних и коренных жителей черкесо-гаев (черкесских армян), не желавшие терять свою власть и источники доходов. Характеризуя короткий, но насыщенный период муниципальной истории досоветского Армавира, С.Н. Ктиторов отмечает зрелость и насыщенность местной общественной и интеллектуальной жизни, результатом чего стала самоотверженная и плодотворная работа местных властей на благо родного города. Нам представляется, что история становления гражданского общества Армавира берет свое начало в досоветский период и нуждается в дальнейшем изучении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дамье В. Гражданское общество и традиции социальной самоорганизации [Электронный ресурс] / В. Дамье. – Режим доступа: <https://aitrus.info/node/3980>.
2. Ланг С. ФРГ: Волонтерство и активное государство / С. Ланг // Со-Общение. – 2003. – № 11. – С. 32.
3. Абрамович А. «Гражданское общество» и левая идея / А. Абрамович // Альтернативы. – 1995. – № 4. – С. 170.
4. Лачаева М. Ю. О роли общественных организаций дореволюционной России в становлении гражданского общества / М. Ю. Лачаева // Преподаватель XXI ВЕК. – 2017. – № 4. – С. 124–126.
5. Ктиторов С. Н. Муниципальный период в истории досоветского Армавира [Электронный ресурс] / С. Н. Ктиторов. – Режим доступа: <http://ru.hayazg.info>.
6. Ктиторов С. Н. История Армавира (досоветский период) [Электронный ресурс] / С. Н. Ктиторов. – Режим доступа: http://86137.ru/hist_ktitor_vojna.htm.
7. Ктиторов С. Н. История Армавира (досоветский период) [Электронный ресурс] / С. Н. Ктиторов. – Режим доступа: http://86137.ru/hist_ktitor_zd_develop.htm.
8. Ктиторов С. Н. Очаг культуры и искусства старого Армавира [Электронный ресурс] / С. Н. Ктиторов. – Режим доступа: <https://arch-heritage.livejournal.com/2993781.html>.
9. Ктиторов С. Н. История Армавира (досоветский период) [Электронный ресурс] / С. Н. Ктиторов. – Режим доступа: http://86137.ru/hist_ktitor_live_in_culture.htm.
10. Жданова Л. А. Купеческая благотворительность в контексте культурной жизни кубанских городов / Л. А. Жданова // Вестник Краснодарского государственного института культуры. – 2016. – № 2(6). С. 24.

11. Жданова Л. А. «Не выпустить из рода Николенкова»: неизвестные страницы биографии купцов-благотворителей Николенко [Электронный ресурс] / Л. А. Жданова, Э. С. Мелоян. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/103/23784/>.

REFERENCES

1. Damye V. *Grazhdanskoe obshchestvo i tradicii social'noy samoorganizacii* [Civil society and the traditions of social self-organization]. Available at: <https://aitrus.info/node/3980>. (In Russian).

2. Lang S. FRG: Volunteering and an active state. *So-Obshchenie = Co-communication*, 2003, no. 11, p. 32. (In Russian).

3. Abramovich A. Civil society and left ideas. *Al'ternativy = Alternatives*, 1995, no. 4, p. 170. (In Russian).

4. Lachaeva M. Yu. On the role of public organizations of pre-revolutionary Russia in the formation of civil society. *Prepodavatel' XXI VEK = Teacher of the XXI Century*, 2017, no. 4, pp. 124-126. (In Russian).

5. Ktitorov S. N. *Municipal'nyy period v istorii dosovetskogo Armavira* [The municipal period in the history of pre-Soviet Armavir]. Available at: <http://ru.hayazg.info>. (In Russian).

6. Ktitorov S. N. *Istoriya Armavira (dosovetskij period)* [The history of Armavir]. Available at: http://86137.ru/hist_ktitor_vojna.htm. (In Russian).

7. Ktitorov S. N. *Istoriya Armavira (dosovetskij period)* [The history of Armavir]. Available at: http://86137.ru/hist_ktitor_zd_develop.htm. (In Russian).

8. Ktitorov S. N. *Ochag kul'tury i iskusstva starogo Armavira* [The center of culture and art of old Armavir]. Available at: <https://arch-heritage.livejournal.com/2993781.html>. (In Russian).

9. Ktitorov S. N. *Istoriya Armavira (dosovetskij period)* [The history of Armavir]. Available at: http://86137.ru/hist_ktitor_live_in_culture.htm. (In Russian).

10. Zhdanova L.A. Merchant charity in the context of cultural life of Kuban cities. *Vestnik Krasnodarskogo Gosudarstvennogo Instituta Kul'tury = The Bulletin of Krasnodar State Institute of Culture*, 2016, no. 2(6), p. 24. (In Russian).

11. Zhdanova L. A., Meloyan E. S. “Do not let go of the Nikolenkov clan”: unknown pages of the biography of merchants and benefactors of Nikolenko. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*, 2015, no. 23, pp. 813-817. Available at: <https://moluch.ru/archive/103/23784/> (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Хлудова Л. Н. Гражданская инициатива в до-революционном Армавире и процессы становления гражданского общества / Л. Н. Хлудова, В. А. Галоян // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3. – С. 98–107.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Khudova L. N., Galoyan V. A. Civil Initiative in Pre-revolutionary Armavir and the Processes of the Formation of Civil Society / L. N. Khudova, V. A. Galoyan // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 3, pp. 98–107. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Галоян Вардуи Араратовна – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: liagu@yandex.ru

Galoyan Vardui Araratovna – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: liagu@yandex.ru

Глечян Эдуард Русланович – кандидат философских наук, преподаватель НЧОУ ВО «Армавирский лингвистический социальный институт» (г. Армавир), e-mail: glechyan1980@mail.ru

Glechyan Eduard Ruslanovich – Candidate of Philosophical Sciences, Teacher, Armavir Linguistic Social Institute (Armavir); e-mail: glechyan1980@mail.ru

Грицких Игорь Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Образовательного частного учреждения «Армавирский социально-психологический институт» (г. Армавир), e-mail: i.v.gritskih@mail.ru

Gritskikh Igor Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Armavir Social Psychological Institute (Armavir), e-mail: i.v.gritskih@mail.ru

Зеленко Наталия Васильевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой технологии и дизайна ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: uzelnv@rambler.ru

Zelenko Natalia Vasilievna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Technology and Design, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: uzelnv@rambler.ru

Зембатова Лариса Тамерлановна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры начального и дошкольного образования ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова» (г. Владикавказ); e-mail: 21lala@mail.ru

Zembatova Larisa Tamerlanovna – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Primary and Pre-school Education, North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov (Vladikavkaz); e-mail: 21lala@mail.ru

Маркелов Владимир Иванович – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: napalkoff.v@yandex.ru

Markelov Vladimir Ivanovich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: napalkoff.v@yandex.ru

Матвеев Владимир Александрович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Отечественной истории XX–XXI вв. (базовой кафедры ЮНЦ РАН) Института истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону); e-mail: vladimir-matveev2009@yandex.ru

Matveev Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Russian History of the XX-XXI Centuries (the base department of SSC RAS), the Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); e-mail: vladimir-matveev2009@yandex.ru

Мороз Динара Алиевна – магистрант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: moroz.dinara26@mail.ru

Moroz Dinara Alievna – Master's student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: moroz.dinara26@mail.ru

Науменко Артем Александрович – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: naum23@mail.ru

Naumenko Artem Aleksandrovich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: naum23@mail.ru

Похилько Александр Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: nauka2007-2008@mail.ru

Pokhilko Alexander Dmitrivich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Law and Social and Humanitarian Sciences, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: nauka2007-2008@mail.ru

Розьев Сергей Валерьевич – магистрант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: roziev08@mail.ru

Rozyev Sergey Valeryevich – Master's student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: roziev08@mail.ru

Руденко Андрей Михайлович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) Донского государственного технического университета в городе Шахты (г. Шахты); e-mail: amrudenko@list.ru

Rudenko Andrey Mikhaylovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, the Institute of Services Industry and Business (branch), Don State Technical University in Shakhty (Shakhty); e-mail: amrudenko@list.ru

Сергеева Кристина Сергеевна – магистрант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир);
e-mail: kristina-petrosyan@mail.ru

Sergeeva Kristina Sergeevna – Master’s student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: kristina-petrosyan@mail.ru

Третьяченко Дмитрий Сергеевич – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир);
e-mail: tdmitrys1982@mail.ru

Tretyachenko Dmitry Sergeevich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: tdmitrys1982@mail.ru

Хаблиева Светлана Руслановна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель Северо-Осетинского республиканского института повышения квалификации работников образования (г. Владикавказ); e-mail: sarmatik@mail.ru

Khablieva Svetlana Ruslanovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, North-Ossetian Republican Institute for Advanced Training of Education Workers (Vladikavkaz); e-mail: sarmatik@mail.ru

Хлудова Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, младший научный сотрудник управления научно-исследовательской деятельности ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: lusi-nik@list.ru

Khludova Lyudmila Nikolaevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Research Assistant of Scientific Research Department, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: lusi-nik@list.ru

Шестаков Юрий Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) Донского государственного технического университета в городе Шахты Ростовской области (г. Шахты); e-mail: shesyur@mail.ru

Shestakov Yuri Alexandrovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, the Institute of Services Industry and Business (branch), Don State Technical University in Shakhty (Shakhty); e-mail: shesyur@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО
для авторов журнала
«ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Уважаемые коллеги!

Редакция журнала принимает к рассмотрению ранее не опубликованные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы. Периодичность: выходит 4 раза в год. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (https://elibrary.ru/title_about.asp?id=69302).

Электронная версия журнала рассылается в течение **15 дней** после окончательной даты приема материалов. Печатная версия рассылается в течение **30 дней** с момента рассылки электронной версии.

Срок приема статей – до 15 ноября 2019 года.

Дата выхода журнала – декабрь 2019 года.

Основные рубрики журнала:

Педагогические науки

Философские науки

Исторические науки и археология

Как опубликовать статью

1. Отправьте статью и сведения об авторе. Статьи принимаются только по электронной почте.

2. Для публикации материалов журнала необходимо в адрес редакции журнала vagpu@mail.ru направить:

- текст статьи (Приложение 1);

- заявку на опубликование статьи и информацию об авторах (Приложение 2).

В случае соавторства каждый автор заполняет заявку отдельно!

Внимание! Расчет стоимости публикации и оплата производится только после приема материалов редколлегией.

Расценки за услуги по публикации статей и доставке журналов:

Публикация 1 страницы текста (1 страница = около 1800 знаков без пробелов¹, при подсчете количество страниц округляется в большую сторону до целого числа) составляет **100 рублей**.

Правила оформления статьи

Объем до 10 страниц (шрифт Times New Roman Cyr, 14 кегль, через 1,5 интервала). Ширина всех полей – 20 мм. Выравнивание текста – по ширине. Расстановка переносов автоматическая. Файл обязательно предоставляется с расширением *.doc.

1) Шифр специальности в соответствии с номенклатурой ВАК (<http://vak.ed.gov.ru/316>).

2) УДК (Универсальная десятичная классификация). УДК оформляется в соответствии с информационно-справочной системой <http://www.naukapro.ru/metod.htm>.

3) Заглавие статьи на русском языке.

4) Фамилии и инициалы автора(ов) на русском языке.

5) Ключевые слова объемом не более 7-10 слов.

6) Аннотация на русском языке. Аннотация должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной, компактной (укладываться в объем от 100 до 250 слов).

7) Пункты 3-6 на английском языке.

(Обращаем Ваше внимание, что программный перевод не всегда корректно переводит отдельные предложения, в связи с этим редакция журнала настоятельно рекомендует обращаться к специалисту).

8) Текст статьи (**не менее 8 страниц без списка литературы**).

9) **Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с ГОСТ 7.1-2003, и на английском языке, оформленный в соответствии с нижеуказанными правилами (в том числе не менее 2 иностранных источников на иностранном языке).**

¹ Как выяснить примерный объем статьи в страницах? В редакторе MSWord 2003 выбираем меню «Сервис» => пункт «Статистика» в Word 2007 или 2010 Вкладка «Рецензирование» => кнопка «Статистика». Количество знаков без пробелов делим на 1800 и получаем количество страниц.

Библиографические ссылки на *пристатейный список литературы* должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц. Например: [1, с. 15].

Пристатейный список литературы должен быть оформлен согласно ГОСТ 7.1-2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

Пристатейный список литературы в романском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES**, составляется *в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией*. References помещается после списка литературы на кириллице.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

1. Zagurenko A.G., Korotovskikh V.A., Kolesnikov A.A., Timonov A.V., Kardymon D.V. Tekhniko-ekonomicheskaya optimizatsiya dizaina gidrorazryva plasta [Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing]. *Neftyanoe khozyaistvo = Oil Industry*, 2008, no. 11, pp. 54-57. (In Russian).

2. Lindorf L.S., Mamikonians L.G., eds. *Ekspluatatsiia turbogeneratorov s neposredstvennym okhlazhdeniem* [Operation of turbine generators with direct cooling]. Moscow, Energiia Publ., 1972. 352 p.

Правила транслитерации

Для транслитерации с кириллического алфавита в романский необходимо использовать автоматические системы транслитерации и переводчика. Рекомендуется пользоваться системой на сайте <http://translit-online.ru/>

10) Сведения об авторах заполняются на русском и английском языке в соответствии с Приложением 2.

Шифр специальности: 12.00.01
УДК 343.9.01

АНАТОЛИЙ КОНИ О ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

И.И. Иванов¹, П.П. Петров²

¹ Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир,
Российская Федерация

² Армавирский лингвистический социальный институт, г. Армавир,
Российская Федерация

Ключевые слова: право человека на необходимую оборону, условия права необходимой обороны, границы необходимой обороны, превышение ее пределов.

Аннотация. Дипломная работа студента юридического факультета Московского университета А.Ф. Кони «О праве необходимой обороны» была написана в 1865 г. Исследование А.Ф. Кони считается одним из первых историко-правовых и догматических изложений учения о праве необходимой обороны в русской юриспруденции. В нем он остановился на проблемах теории права необходимой обороны; дал критический анализ имеющихся трудов по этому вопросу; проанализировал различные аспекты действующего законодательства по проблеме необходимой обороны. До сих пор данная работа представляет научный интерес в изучении такого важного понятия уголовного права, как институт необходимой обороны. В статье раскрываются некоторые взгляды выдающегося юриста на общие правовые основания необходимой обороны.

ANATOLY KONI ON THE LEGAL FOUNDATIONS OF NECESSARY DEFENCE

Ivan I. Ivanov¹, Petr P. Petrov²

¹ Armavir State Pedagogical University, Armavir, The Russian Federation

² Armavir Lingvistic Social Institute, Armavir, The Russian Federation

Keywords: *human right to self-defence, self-defense right conditions, the boundaries of self-defence, exceed the limit on self-defence.*

Abstract. *The earliest work of A.F. Koni "On the right of self-defense" was written for a candidate degree at the Faculty of Moscow University in 1865, A.F. Kony's research is one of the first historical and legal expositions of the doctrine on the right of self-defense in Russian law. In it he focused on the problems of self-defense theory of law; gave a critical analysis of previous works on the subject; analyzed the various aspects of the current legislation on the issue of self-defence. Therefore, the work of graduate student A.F. Kony is still an interesting scientific study that represents such important concepts of criminal law as an institution of self-defense. The paper describes some of the views of the outstanding jurist to the general legal basis of self-defence.*

ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст [1, с. 16], Текст [2, с. 16], Текст [3, с. 16].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тенишев В. В. Правосудие в русском крестьянском быту / В. В. Тенишев. – Брянск : Тип. Л.И. Итина и Ко, 1907. – 192 с.
2. Карцев Е. Наше сельское правосудие / Е. Карцев // Вестник Европы. – 1882. – № 2. – С. 755–774.
3. Фрэнк С. Народная юстиция, община и культура русского крестьянства. 1870–1900 [Электронный ресурс] / С. Фрэнк. – Режим доступа: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html.
4. Benson B. L. Customary Law / B. L. Benson // Encyclopedia of Law and Economics. – 2014. – June 21. – P. 1–10.

REFERENCES

1. Tenishev V. V. *Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu* [Justice in Russian Peasants' Lives]. Bryansk, L.I. Itin i Ko Publ., 1907. 192 p.
2. Kartsev E. Our peasants' justice. *Vestnik Evropy = European Bulletin*, 1882, no. 2, pp. 755–774. (In Russian).
3. Frenk S. *Narodnaya yustitsiya, obshchina i kul'tura russkogo krest'yanstva. 1870–1900* [People's justice, community and culture of Russian peasants. 1870–1900]. Available at: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html. (In Russian).
4. Benson B. L. Customary Law. *Encyclopedia of Law and Economics*, 2014, June 21, pp. 1–10.

ЗАЯВКА НА ОПУБЛИКОВАНИЕ СТАТЬИ

Я, _____

Иванов Иван Иванович – начальник управления научно-исследовательской деятельностью Армавирского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Армавир, Российская Федерация; e-mail: ivanov@inbox.ru

Ivanov Ivan Ivanovich – scientific research department director, Armavir State Pedagogical university, Candidate of Legal Sciences, Armavir, Russian Federation; e-mail: ivanov@inbox.ru.

Представленная статья не публиковалась ранее в других изданиях в ее нынешней или близкой по содержанию форме и не находится на рассмотрении в редакциях других изданий. Все возможные конфликты интересов, связанные с авторскими правами и опубликованием рассматриваемых статей, урегулированы.

Публикация статьи не нарушает ни одно из существующих авторских прав и гарантирует издателю возмещение убытков в случае выявления подобных нарушений. Для распространения материалов издателю передается исключительное право собственности на рукопись, если не предусмотрено иное.

Предоставляю издателю неисключительное право на:

- редактирование статьи, не изменяющее ее принципиальных положений;
- использование произведения через продажу журнала и распространение его по подписке;
- размещение полнотекстовой версии произведения в открытом доступе на сайте журнала, Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), в иных базах данных научной информации, электронно-библиотечных системах, научных информационных ресурсах в сети Интернет;
- использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора (правообладателя), аннотация, библиографические материалы и пр.) с целью их включения в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации в других базах цитирования.

Предоставляю Издательству свои персональные данные без ограничения по сроку (фамилия, имя, отчество; сведения об образовании; сведения о месте работы и занимаемой должности) для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных

системах, включения в аналитические и статистические отчетности, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т. п. Издатель имеет право передать указанные данные для обработки и хранения третьим лицам.

Настоящим гарантирую Издательству, что я являюсь автором произведения и что на момент направления настоящей статьи в Издательство все интеллектуальные права на произведение принадлежат мне, не находятся в залоге, не состоят под арестом и не обременены правами третьих лиц каким-либо иным образом.

Настоящим даю свое согласие на внесение в Произведение, по усмотрению Издательства, изменений, сокращений, дополнений, на снабжение Произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями, при условии, что такие изменения, сокращения, дополнения, иллюстрации, предисловия, послесловия, пояснения и/или комментарии не извращают и не искажают смысл Произведения или какой-либо его части.

Печатный вариант журнала прошу выслать по адресу: **352900, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Розы Люксембург, 174, кв. 78.**

Я гарантирую, что в представленной мною статье «_____ (название статьи)» отсутствуют нарушения публикационной этики журнала.

Оплату публикационного взноса гарантирую. С условиями публикации согласен(а).

Автор: _____
(подпись) (фамилия и инициалы)

« » _____ 20__ г.

Научное издание

ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 3 2019

Редакционно-издательский отдел
Зав. отделом: А.О. Белоусова
Компьютерная вёрстка: Л.В. Зданевич
Печать и послепечатная обработка: С.В. Татаренко

Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 13,95. Уч.-изд. л. 6,23. Тираж 300 экз.
Заказ № 87/19.

Издатель:
ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»
Отпечатано в ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Редакционно-издательский отдел
© АГПУ, 352900, Армавир, ул. Ефремова, 35
☎-fax 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net